ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО

В сороковых годах прошлого столетия утопический социализм доканчивал свой жизненный путь. В 1847 г. «Коммунистический Манифест» соткал ему саван, в 1848 г. революция бросила последнюю горсть на свежую могилу. Всякая позднейшая социалистическая утопия могла быть лишь одиноко затерявшейся тенью, бесцветной и холодной, как всякая тень, или бессильным воспоминанием, резонирующим и романтическим, как всякое воспоминание, и неизбежно переходящим в реакционность, как только оно хочет обосновать программу действий... После 1847 г. начинается двадцатилетний инкубационный, по выражению Энгельса, период научного социализма, ибо лишь «Капитал» и «Международное Товарищество рабочих» знаменуют его зрелость.

Пока нараставшие и универсализировавшиеся социальные и политические бои в недрах буржуазного общества с одной стороны, и универсальная диалектико-материалистическая критика Марксом и Энгельсом основ буржуазных представлений об обществе и, в первую голову об экономике,—с другой стороны, вскармливали новое социалистическое учение и выводили его на широкую историческую арену; пока происходил процесс становления марксизма, т. е. его переход от состояния скрытой в себе системы, проявляющейся во вне в виде разрозненных частностей и недоделанных обобщений, в состояние полностью раскрытой системы знаний и борьбы; пока длились эти двадцать лет—нетерпеливая историческая потребность вызвала к жизни две немарксистские попытки разрешить задачу эпохи, две *обреченные* попытки, два капризных зигзага нового социализма, два смелых порыва, наивных в свете Маркса и вредных после Маркса, но исторически неизбежных, как необузданное и неоформленное устремление юности всякого социального движения. Это относится к обеим попыткам: немецкой и русской, Лассалю и Чернышевскому, правда, в разной форме и в различной степени [1]. Истории требовалось безапелляционно доказать, что суще-

[1] Собственно, немецкая попытка оказалась поделенной между двоими—Лассалем и Родбертусом. Ни один из них не обладал цельностью Чернышевского, и, следовательно, не был подготовлен к тому, чтобы осуществить веление истории собственными силами. Родбертус, правда, писал еще в первом своем сочинении: «Главной целью моих исследований будет увеличение доли рабочего класса в национальном продукте», но он изолировал себя от движения рабочего класса и тем

ствует только один действительный путь развития социализма в науку—марксистский. И она показала, как иные пути уводят в сторону, в туман, в край научных иллюзий и теоретической беспомощности даже таких людей, как Чернышевский и Лассаль.

Лассаль находился в неизмеримо лучших условиях, нежели Чернышевский. Лассаль ковал оружие для строящегося в колонны пролетариата, прошедшего огонь буржуазной революции; Чернышевский мастерил дубину для ворочающегося крестьянства, задавленного тисками крепостного рабства. Лассалю были практически доступны вершины современных ему социальных боев, открывавшие широчайший исторический горизонт; Чернышевский пробирался в диком, заснеженном лесу огромной равнины, куда долетали лишь приглушенные отзвуки далекой борьбы и где отсвет достигнутых на Западе горизонтов принимал местные, несуразные, мужицкие тона. Лассаль рос в непосредственной близости Маркса и в постоянном общении с ним; Чернышевский, когда строил свою систему, не знал Маркса совершенно и шел по своему пути без чьей-либо помощи. И при всем этом Чернышевский как мыслитель значительно богаче Лассаля и его искания много поучительнее.

Экономические взгляды Чернышевского, которые нам предстоит изучить в настоящей статье, интересны не просто как часть мировоззрения этого замечательного человека: они представляют самостоятельный интерес в истории политической экономии. Перед нами попытка через преодоление буржуазной политической экономии не тем путем, каким она была преодолена Марксом, обосновать социализм. Может ли быть тема более поучительная, более образовательная, чем исследование неудачи этой попытки, *неизбежности неудачи*? Чернышевский вышел из того же пункта, что и Маркс. «Критика политической экономии»—таков подзаголовок «Капитала». А Чернышевский считал необходимой «поверку основных принципов» буржуазной политэкономии и в этом видел свою задачу. Но, пустившись в путь из одного места, Маркс и Чернышевский разошлись дорогами. Почему? Пусть на это отвечает во всей подробности история социализма, дающая биографии того и другого. В настоящей статье мы будем изучать лишь самый путь Чернышевского-экономиста. Это путь исканий и творческих сомнений большого ума, пробирающегося через препятствия ошибочной методологии, инстинктивно вырывающегося из ее искусственной сети, и все же сдавленного и теоретически обессиленного ею. И в то же время это целеустремленный путь неукротимого революционера в мысли и в действии, «писателя, любящего колебать старые и надменные предрассудки» [1], путь, окаймленный великой гуманностью и столь же великой скромностью.

обрек свои глубокие политико-экономические искания на безжизненность. Лассаль не мог дать социализму больше, чем он дал, в качестве гениального организатора рабочего класса, ибо непреодоленное идеалистическое мировоззрение закрывало ему доступ к социалистическому преобразованию науки; он сам признавал влияние Родбертуса на свои экономические взгляды.

[1] Выражение Чернышевского о самом себе (IV—306).

Кое-кто пробовал изобразить труд жизни Чернышевского в таком смысле, который был прямо противоположен его истинному содержанию [1]. Другие пытались извратить, обесценить, опустошить это богатство исканий, изображая его в виде плоского и ограниченного народничества. Третьи, будучи поставлены в полемическую обстановку, превратили критику Чернышевского в выявление ошибочности это научных достижений и, положив эту ошибочность в основу оценки Чернышевского, отнесли его просто к числу социалистов-утопистов. Четвертые, сознавая, что Чернышевский не исчерпывается утопическим характером его достижений, склонны подвести его вплотную к основателям научного социализма. Ни слова не говоря о первом и втором толковании Чернышевского, следует указать, что последние два толкования, даваемые марксистами, во многом неверны. Чернышевского нельзя отнести к группе Фурье, Сен-Симона, Оуэна, от этой чистой формы утопического социализма он ушел с критическими боями. Но Чернышевского нельзя также считать идейным предшественником Маркса, их экономические системы принципиально различны и одна ничего существенного не может взять у другой. Для Чернышевского-экономиста характерно понимание необходимости научного обоснования социализма, характерны искания этого обоснования на почве теоретической экономии, характерна неудовлетворенность утопическим социализмом—и при этом инстинктивная неудовлетворенность целым рядом своих собственных ответов, жизненный порыв к высвобождению из-под власти своей схемы, и немало определений и обобщений, носящих печать научного предвидения, поскольку они вводятся со стороны в ошибочную схему.

Говорить в наши дни о Чернышевском меньше всего значит полемизировать с ним. Время дало исчерпывающую критику его построениям—уже одним тем, что разрешило занимавшую его проблему—научное обоснование социализма—иным совсем способом, на ином совсем пути. Мы не станем поэтому уделять внимание деталям экономических построений Чернышевского. Нас будет занимать *система его взглядов как целое*. Мы увидим у Чернышевского большое число противоречий. Но, не говоря уже о внешних условиях, в которых приходилось Чернышевскому вырабатывать свое экономическое мировоззрение, само оно есть *искание мировоззрения*,—но искание на одном, вполне определенном пути, помощью одного, вполне определенного метода. Изучая Чернышевского, мы будем иметь дело с противоречиями в развитии большого ума, сознающего себя и ищущего самостоятельности. Эти противоречия не нарушают своеобразной стройности экономического мировоззрения Чернышевского, а, напротив, входят в него образующим моментом, выражающим его переходный характер, его внутреннюю тенденцию и внутренние границы.

Все теоретико-экономические работы Чернышевского облечены в полемическую форму. Это вполне соответствует положению новой

[1] См. П. Маслова, ст. «Идеализация натурального хозяйства» в «Научн. Обозр.», 1899, № 1.

точки зрения и новых идей, стремящихся в критических боях со старой школой сформироваться в новую теорию. В подобном положении борьба новой теории во вне есть одновременно ее борьба со своими собственными внутренними противоречиями, ищущими себе разрешения. Но это значит, что новая теория еще не нашла адэкватной системы изложения, еще не имела возможности отстояться в виде такой последовательности развития категорий, которая соответствовала бы ее новому содержанию. Вот важнейшие теоретико-экономические работы Чернышевского в хронологическом порядке: 1) «Studien Гакстгаузена» (1857), 2) «О поземельной собственности» (1857), 3) «Тюрго, его ученая и административная деятельность, соч. С. Муравьева» (1858), 4) «Критика философских предубеждений против общинного владения» (1858), 5) «Экономическая деятельность и законодательство» (1859), 6) «Капитал и труд» (1860), 7) «Основания политической экономии Д. С. Милля—перевод и примечания» и «Очерки из политической экономии по Миллю» (1860—61), 8) «Начала народного хозяйства, В. Рошера» (1861). Во всех этих работах теоретико-экономические взгляды Чернышевского излагаются в противовес и в опровержение «старой школы», а это значит—в порядке, диктуемом внешними обстоятельствами. Мы будем поэтому в настоящей статье держаться иной последовательности изложения, чем какая бы то ни было из имеющихся у самого Чернышевского, именно такой, которая бы наиболее соответствовала развитию содержания его экономической системы, свободному от потребностей полемики.

I. Критика политической экономии

1.

Критику политической экономии Чернышевский распространяет на всю ее историю. Он начинает с эпохи, в которую сложилось абсолютистское государство. «Характер этого быта не допускал высокого экономического развития, потому и экономическая наука была мало развита; но все-таки те времена имели свою экономическую теорию. Она выражалась в том, что человеку свободному (свободным человеком, по настоящему, был тогда только феодал) не следует заниматься производством. Он должен быть только потребителем. Масса его соотечественников и все остальные народы существуют только для того, чтобы производить для него, а не для себя, предметы потребления. Обширного научного развития достигла только одна часть этой системы, называющаяся меркантильной теорией. Сущность ее состоит в том, чтобы брать у других, не давая им ничего взамен» [1].

Экономическое развитие порождает оппозицию меркантильной теории. Оппозиция идет из двух различных источников: из товаризи-

[1] И дальше: «Меркантильная система... натурально должна была применять эту идею к драгоценным металлам, и потому говорила, что надобно всячески стараться, чтобы ввоз серебра и золота был как можно больше, а вывоз как можно меньше» («Капитал и труд», VI, с. 23).

рующегося сельского хозяйства и из торговли—физиократы во главе с Кенэ и фритредеры во главе с Гурне. «Легко угадать точку естественного несогласия школы Гурне с школою физиократов. Мыслители, поклоняющиеся промышленности и торговле, могли ли согласиться на признание превосходства за земледелием? Действительно, в этом вопросе они помирились не без труда. Но обе школы имели одну общую тенденцию—индивидуализм; и общим девизом их стала формула: laisser faire, laisser passer... [1]. Потому-то обе школы слились в одну и под общим именем экономистов они пошли, соединив свои знамена, к двоякому торжеству среднего сословия в земледелии и торговле» [2].

Но поворот в экономической мысли наступил позднее. «К тому времени, когда среднее сословие приобрело фактический перевес над высшим в государственных делах, т. е. к последней половине прошлого столетия, относится и возникновение новой экономической теории, до сих пор пользующейся привилегиею на имя политической экономии, как-будто она единственная теория экономических учреждений. Дух ее совершенно соответствует положению среднего сословия в обществе и роду его занятий». «Определить сущность ее очень легко: эта теория выражает взгляд и интересы капиталистов, ведущих промышленные и торговые дела и отчасти уже сделавшихся владельцами недвижимой собственности, а вообще проникнутых снисходительностью к побеждаемому врагу, феодальному сословию, которое оказывается их союзником в вопросе о распределении ценностей» [3].

Чернышевский видел основной грех смитовской школы—узость ее исторического кругозора, ее ограниченность рамками существующего экономического строя, ее «ошибочную тенденцию доказывать непреложность и вечность нынешних форм экономического быта» [4]. «Ни Адам Смит,—писал он,—ни его последователи не умели представить себе систему быта, которая была бы выше трехчленного деления продукта между тремя различными сословиями» [5].

---

[1] «Два человека,—продолжает здесь Чернышевский,—вышедшие из различных точек, один воспитанный на ферме, другой воспитанный в купеческой конторе, прошедши некоторое пространство на поле теории различными дорогами, вдруг встретились на перекрестке, где надписью столба было слово: «Свобода»... Прежние стеснительные регламенты так утомили людей, что почти все мыслители безусловно склонялись к противоположному принципу, к простому освобождению индивидуума от всяких обязательств. Собственник и купец, богач и бедняк, каждый предоставлялся теперь самому себе. Думали, что каждый лучше всех других понимает свою выгоду; будущность открывалась этому гордому чувству. Не нужно более ни надсмотрщиков, ни сторожей, ни застав; не нужно опеки, хотя бы с нею уничтожалась и защита».

[2] «Тюрго», IV, с. 225/6.

[3] «Капитал и труд», VI, с. 24, 28.

[4] «Начала народного хозяйства, В. Рошера», VIII, с. 136.

[5] «Милль», VII, с. 492. «Психологическим законом, по которому почти у каждого... оказывается теоретически хорошим, несомненным, вечным все то, что практически выгодно для группы людей, представителем которой он служит,—этим психологическим законом надобно об'яснить и тот факт, что политико-экономам школы Ад. Смита казались очень хороши, достойны вечного господства те формы экономического быта, которые господствовали или стремились к господ

В теории смитовской школы Чернышевский видел внутреннее противоречие. «Адам Смит был в сущности учеником французских энциклопедистов; и как они воображали, что народу не нужно ничего иного, кроме тех вещей, которые были нужны для буржуазии, и как народ сам не замечал еще тогда, что его потребности не во всем сходны с интересами среднего сословия, шедшего тогда во главе его на общую борьбу против феодалов, так и Адам Смит не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствующей экономическому положению среднего сословия, с основным своим учением о труде, как источнике всякой ценности. То были времена, когда требования среднего сословия выводились из демократических принципов и оживлялись мыслями, говорившими о человеке вообще, а не о торговце, фабриканте или банкире»[1].

С дальнейшим экономическим развитием, приведшим к расхождению интересов буржуазии и «народа», противоречие теории должно было вызвать ее кризис, ибо она «построена так, что в ней нет места для факта, ставшего теперь повсюду главным двигателем истории»[2]. Поэтому всех современных ему экономистов Чернышевский рассматривает, как продукты распада школы Смита, этой «старой», «рутинной», «отсталой» школы. Какова конкретная картина этого распада?

«У французских экономистов, следовавших за Ж.-Б. Сэ, нельзя найти ни одной свежей мысли, их сочинения содержат только бесцветное повторение мыслей, высказанных Ад. Смитом, Мальтусом и Рикардо» Но Ад. Смит и Рикардо, когда писали свои произведения, вовсе не думали о коммунистических теориях, которые во время Смита не существовали, а во время Рикардо казались невинною шуткою, не обращавшею на себя ничьего серьезного внимания. Нынешний французский экономист, которому каждая блуза, встречаемая на улице, представляется символом коммунизма, грозящего разрушением французскому обществу, не может ни одной буквы написать, не думая о коммунизме. Как победить этого ненавистного врага? Он сам не одарен умственными силами, чтобы составить теорию, которая удовлетворяла бы его желанию опровергнуть коммунизм; он может только переписывать старую теорию. Но при этом он вычеркивает из нее все, что, по его мнению, может служить подтверждением коммунизму: он искажает определения и факты, чтобы предохранить

ству в конце прошлого и в начале нынешнего века. Писатели этой школы были представители стремлений биржевого или коммерческого сословия в обширном смысле слова: банкиров, оптовых торговцев, фабрикантов и всех вообще промышленных людей. Нынешние формы экономического устройства выгодны для коммерческого сословия, выгоднее для него всяких иных форм; потому школа, бывшая представительницею его, и находила, что формы эти самые лучшие по теории; натурально, что при господстве такого направления являлись многие писатели; высказывающие общую мысль еще с большею резкостью, называющие формы эти вечными, безусловными» («Начала народного хозяйства, В. Рошера», VIII, с. 137/38).

[1] «Капитал и труд», VI, с. 29.

[2] «Милль», VII, с. 30.

своих читателей от коммунистической заразы; особенно отличался в этом Бастиа. Ад. Смит и Рикардо ужаснулись бы, увидев себя в его переделках»[1].

Для Чернышевского было бесспорно—и ненавистно—внутреннее ничтожество эпигонов классической школы. Их пустой, прозрачный и корыстный апологетизм, их «социализмофобия и коммунизмофобия»[2] раздражали его, как раздражали они и Маркса. Его отзывы о вульгарной экономии столь же резки и презрительны, как и отзывы Маркса: «Теория Сэ поверхностна и фальшива»[3]; «французские книжки, без толку перевирающие теорию английских мыслителей»[4]; «фантазии каких-нибудь французских шарлатанов, которые порют дичь»[5]; «Кэри—мертвый схоластик, тупой мономан»; издевательства над «славой великого Бастиа»[6]; «узколобая школа отсталых французиков в политэкономии»[7], которые «обыкновенно остаются незнакомы хорошенько даже с Ад. Смитом, которого называют своим учителем»...[8]; «ветхая дрянь, которую провозглашает какой-нибудь поверхностный или недоучившийся французский пустослов»[9]. И так далее.

Чернышевский дал также мастерскую критику зарождавшейся в лице Рошера исторической школе в политической экономии. «Вот в этом-то (в исторической узости буржуазной теории—Э. *Л.*) и лежит настоящая причина расположения к историческому методу, явившегося в последователях прежней школы, которые увидели себя теперь в звании консерваторов, в противность прежней своей похвальбе прогрессивностью... Против средневековых учреждений разум был для школы Адама Смита превосходным оружием, а на борьбу с новыми противниками это оружие не годилось, потому что перешло в их руки и побивало последователей школы Смита, которым прежде было так полезно. Что тут делать? Не нами придумано, не нами и кончится—изворот, употребляемый в таких случаях: если разум говорит против тебя, хватайся за историю, она выручит»[10].

---

[1] «Капитал и труд», VI, с. 30/31.
[2] «Милль», VII, с. 630.
[3] «Заметки о журналах», III, с. 113.
[4] «Милль», VII, с. 653.
[5] ib., с. 663.
[6] «Письма Кэри к президенту Соединенных штатов», VIII, с. 26. См. также «Молинари, Курс политической экономии», VI, с. 340: «У Бастиа уже доказано, что бедным не на что жаловаться, что если и есть на свете люди, получающие меньше, чем им следовало бы, то эти люди не какие-нибудь ткачи, швеи, земледельческие батраки—нет, а капиталисты, рентьеры, фабриканты, банкиры и др. обиженные судьбою несчастливцы, возбуждающие зависть в неразумных чернорабочих. Бастиа доказал уже, что если сосчитать, сколько жертв приносится для общего блага и сколько благодеяний обществу оказывается Ротшильдом, Миресом и сподвижниками их, то надобно беднякам благословлять судьбу свою и воздвигать памятники заживо этим своим благодетелям».
[7] «Экономическая деятельность и законодательство», IV, с. 438/9.
[8] «Капитал и труд», VI, с. 45.
[9] «Экон. деят. и зак-ство», IV, с. 436.
[10] «Начала народного хозяйства, В. Рошера», VIII, с. 138/39.

В руках указанных учеников школы Смита внутреннее противоречие ее учения было устранено поверхностным, схоластическим, фальшивым, шарлатанским способом. Так как стало невозможно сочетать под кровлей одной теории интересы среднего сословия и «основное учение о труде, как источнике всякой ценности», экономисты жертвуют последним для поддержки первых. Такова позорная судьба тех последователей Смита, которые не хотят считаться с «фактом, ставшим теперь повсюду главным двигателем истории». Чернышевский ясно видел, что наука должна пройти мимо них, как они прошли мимо науки. Но Чернышевский также понимал неудовлетворительность попыток примирить смитовскую школу с новыми требованиями жизни. Вот как расценивает он Милля:

«Он человек бесспорно очень замечательного ума и безмерно выше всех французских экономистов; но ум его силен только в логическом развитии подробностей. Он превосходно раз'ясняет частные истины, но создать новую систему, дойти до проверки основных принципов и пополнить их он не в состоянии. Очевидно, у него нет силы отделить сущность новых мыслей от их политической и декламаторской формы, перевести французское ораторство на холодную теоретическую речь и согласить новые мысли со старыми» [1]. «Сойти с точки зрения, на какую он поставлен своими учителями, Мальтусом и, в особенности, Рикардо, он не может. Он умеет только ценить все хорошее, что успевает заметить с этой точки зрения... Главная сила его в том, что он мыслитель совершенно честный и человек, сочувствующий добру» [2].

Чернышевский хорошо понимает классовое содержание нерешительности и бессилия Милля. «В Милле мы видим представителя чувств, с которыми благородные люди богатых сословий Западной Европы встречают предстоящую перемену общественных отношений... Из Милля мы узнаем, как благородная часть западно-европейских привилегированных классов смущается духом при виде осуществления тех идей, теоретическую справедливость которых сама она защищает, признавая их логически неотразимыми и ведущими к общему благу, но которые невыгодны для этих сословий» [3].

И вот печальный итог смитовской школы: «Сорок лет неподвижности в теории такого предмета, как политическая экономия! Это нечто неудобомыслимое, неправдоподобное, невероятное» [4].

---

[1] «Капитал и труд», VI, с. 30.

[2] «Милль», VII, с. 363.

[3] «Антропологический принцип в философии», VI, с. 189, 193.—Напомним также остроумное и глубокое сравнение бесхарактерного и нерешительного Милля с человеком, выехавшим из Петербурга и не знающим куда направить путь—в Казань или в Берлин. «Ведь история не на диване, на котором человек лежит, не двигаясь с места, ведь она мчит вас куда-то, а вы еще не знаете куда? Так вы уж скорее разузнайте, куда она вас мчит. Туда ли, куда вам нужно? А если туда, куда нужно, то напрасно вы и толкуете о других дорогах, а если не туда, куда вам нужно, то сворачивайте. Милль рассуждает не совсем так, судя по всему, нужно ехать в Берлин, однакоже махнем на него рукой и поедем в Казань» («Милль», VII, с 634).

[4] «Капитал и труд», VI, с. 20.

2.

Ко времени деятельности Чернышевского оппозиция школе Смита была весьма широка и разнообразна. Мы не говорим о Марксе и Энгельсе, деятельность которых прошла мимо Чернышевского. Надо думать, что Чернышевский не был знаком и с Родбертусом. Но он несомненно хорошо знал социалистов-утопистов: Сен-Симона, Фурье и Оуэна он считал «первоклассными мыслителями» [1]. Если в своих писаниях он их за редкими исключениями совершенно не касается, то это нужно целиком отнести за счет цензурных условий [2]. Ему был хорошо известен и один из самых ранних противников буржуазной экономии—Годвин [3], вдохновитель ряда крестьянско-ремесленных критиков капитализма. Знал ли Чернышевский группу английских социалистов-экономистов 20-х и 30-х годов (Вильяма Томпсона, Джона Грэя, Джона Брэя, анонимный памфлет 1821 г. и др.), которые предлагали эгалитарное применение теории Рикардо и о которых Энгельс говорил, что «их литература оставалась вплоть до «Капитала» непревзойденной» [4]. В сочинениях Чернышевского эти социалисты-рикардианцы не упоминаются, что конечно не значит, что они ему были неизвестны. Что же касается социалистических писателей 40-х и 50-х годов, то виднейшие из них сравнительно часто встречаются на страницах Чернышевского.

Чернышевский относится с глубоким уважением и любовью к основоположникам утопического социализма. Об Оуэне, напр., он пишет: «Вот мыслитель действительно великий... У него были сподвижники и остаются продолжатели, достойные стоять с ним рядом и по гениальности и по благородству стремлений» [5]. Но вместе с тем Чернышевский сознавал, что время утопических систем миновало. Уже в 1856 г., высказываясь о влияниях, под которыми развивался Огарев, Чернышевский пишет об утопическом социализме: «В то время во Франции возникали, как противоречие бездушному и убийственному учению экономистов, новые теории национального благосостояния. Идеи, одушевлявшие новую науку, высказывались еще в фантастических формах, и предубежденным или руководившимся своекорыстными побуждениями противникам легко было, оставляя без внимания здравые и высокие основные идеи новых теоретиков и выставляя в утрированном виде мечтательные увлечения, которых вна-

[1] «Милль», VII, с. 640.

[2] Говоря о Сисмонди, как о противнике старой школы, он в одном месте заявляет: «Мы назвали Сисмонди потому, что хвалить его очень удобно; но читатель знает, что между противниками так называемых экономистов он—человек не самый замечательный. Каждый вспомнит многие имена, более знаменитые» («Капитал и труд», VI, с. 22).

[3] В 1857 г. Чернышевский писал о «двух главных политических школах, представителями которых в политической экономии можем мы назвать Мальтуса и Годвина» («Рассужд. о гражд. и уголовн. законоположении». Иер. Бентама, III, с. 510).

[4] Карл Маркс—«Нищета философии»—предисловие Энгельса, Петроград, 1918 г., с. 6.

[5] «Капитал и труд», VI, с. 22.

чале не избегает ни одна новая наука, осмеивать системы, им ненавистные. Но под видимыми странностями и под фантастическими увлечениями скрывались в этих системах истины и глубокие и благодетельные. Огромное большинство и ученых людей и европейской публики, поверив пристрастным и поверхностным отзывам экономистов, не хотели понять смысла новой науки, все смеялись над несбыточными утопиями, и почти никто не считал нужным основательно и беспристрастно изучать их» [1].

Давая такую оценку раннему социализму, Чернышевский естественно относился с большой осторожностью к тем экономическим положениям и теориям, которые выдвигались против буржуазной экономии его представителями. Чернышевский был в значительной мере свободен от, казалось бы, естественного в его положении стремления опираться на многочисленных противников господствующей теории. Он, больше того, отмежевывался от тех, кого должен был бы, если бы не обладал он принципиальностью сознающего свое место новатора, приветствовать как союзников. Подчеркивая «безмерное превосходство каждого из этих людей над нынешними так называемыми экономистами по отношению к силе ума»[2], Чернышевский вовсе не солидаризировался с ними по существу. О Сисмонди он говорит много хорошего [3], но тут же оговаривает: «его книга во многом очевидно ошибочна». О сен-симонизме он говорит, как о системе, времена которой давно уже прошли: «люди, подобные Вольтеру и Сен-Симону, давным давно сошли с исторического поприща» [4]. «Мы вовсе не сочувствуем,—пишет он,—той форме стремления к общественным реформам, которая называется сен-симон змом. Это учение кажется нам галлюцинацией, сформировавшейся из ошибочной идеализации католицизма и кроме того носившей какой-то приторный характер изящной аристократичности, аффектирующей замашки сантиментального демократизма... Сен-симонисты были салонные герои, подвергавшиеся припадку филантропизма» [5]. О Луи Блане Чернышевский пишет: «Если хотите, можете ставить его, как теоретика, далеко ниже Прудона и Милля» [6]. «По особому историческому случаю его мысли приобрели историческую важность, которой иначе бы и не имели, потому что оригинального в них мало. Прудона Чернышевский считает представителем «простолюдинов, жаждущих перемен, но затрудняющихся в их осуществлении тем, что воспитались в понятиях старины, не познакомились еще с воззрениями, соответствующими их потребно-

---

[1] «Очерки гоголевского периода», II, с. 194.
[2] «Капитал и труд», VI, с. 21.
[3] О книге Сисмонди Чернышевский пишет: «Сколько в ней свежих новых мыслей, какая сила ума, какое богатство новых фактов, ведущих к новым взглядам, какая в ней оригинальность и свежесть по сравнению с монотонными произведениями так называемых экономистов, с этими бесцветными повторениями произведений Адама Смита, Мальтуса и Рикардо» («Капитал и труд», VI, с. 22).
[4] «Studien, Гакстгаузена», III, с. 293.
[5] «Июльская монархия», VI, с. 150.
[6] «Милль», VII, с. 640.

стям»[1]. Лично о Прудоне Чернышевский отзывается резко, порою с возмущением[2].

Мы вправе, следовательно, сказать, что Чернышевский не только имел ясное представление о кризисе буржуазной экономической науки, о корнях этого кризиса, его неотвратимости и безысходности— Чернышевский видел также бессилие социалистической критики смитовской школы и теоретическую непригодность социалистических экономических построений. Где еще, кроме Маркса, имеется такое глубокое понимание исторической предопределенности экономических теорий? И притом не просто исторического характера, а *экономической детерминированности* развития экономической мысли. И притом, не просто экономической предопределенности, а *классовой природы* теоретико-экономических систем[3].

Чернышевский увидел основную причину слабости утопического социализма — его келейный и экспериментаторский характер, его игнорирование масс. Поистине замечателен окончательный вывод Чернышевского о сен-симонизме: «Называя приторной ту форму, которую имело первое проявление мысли о преобразовании общества, мы, конечно, должны ценить историческую важность этого первого ее проявления. Оно важно как признак того, что пришла пора обществу заниматься идеями, выразившимися на первый раз в этой неудовлетворительной форме. Скоро мы увидим, что они стали проявляться в формах более рассудительных и доходить до людей, у которых бывают уже не восторженною забавой, а делом собственной надобности; а когда станет рассудительно заботиться о своем благосостоянии тот класс, с которым хотели играть кукольную комедию сен-симонисты, тогда вероятно будет лучше ему жить на свете, чем теперь»[4].

Это уже вполне определившееся сознание необходимости преобразовать экономическую науку на новых *социальных* началах, применив

---

[1] «Антропологический принцип философии», VI, с. 193.

[2] В письме из Сибири от 24 ноября 1873 года Чернышевский говорит: «Один из прогрессивных глупцов, имевших очень сильное влияние на всех глупцов без различия, был Прудон. Быть может и даровитый от природы; быть может и бескорыстный (хоть это известная манера со времени Агатокла Сиракузского: пренебрегать светскими приличиями и не набирать себе денег—манера множества честолюбцев). Но каков бы ни был он от природы, он был невежда и нахал, кричащий без разбора всякую чепуху, какая забредет ему в голову из какой газеты ли, идиотской ли книжонки, умной ли книги,—этого различать он не мог по недостатку образования. И теперь он—один из оракулов людей всяческих мнений. И удобно ему быть им: какая кому нравится глупость, всякая есть у этого оракула! Кому-нибудь кажется, что $2\times2=5$. Ищи у Прудона: найдется подтверждение с прибавкой: «мерзавцы все те, кто в этом сомневается»; другому кажется, что $2\times2=7$, а не 5, ищи у Прудона: найдется и это с той же прибавкой» («Чернышевский в Сибири», вып. 1-й, с. 82).

Но и в «Очерках по Миллю» (1861 г.) отзыв о Прудоне, хотя и более терпим, но уже достаточно ясен: «Кто он такой, социалист или не социалист, коммунист или не коммунист—этого никто из континентальных политико-экономов не умеет разобрать, да и сам Прудон, быть может, не знал определенно» (VII, с. 630).

[3] Совершенно правильно Плеханов указывает, что, употребляя термин «сословия», Чернышевский в действительности говорит о классах.

[4] «Июльская монархия», VI, с. 150.

к ней *новую классовую точку зрения*. И действительно, то новое направление в экономической науке, которое Чернышевский берется развить и обосновать, он называет «*теорией трудящихся*». Это—«*теория, соответствующая потребностям нового времени, в противоположность отсталой, но господствующей теории, которую мы будем называть теориею капиталистов*» [1].

«Теория трудящихся» не есть, конечно, теория пролетариата. Но не забудем: свою теорию трудящихся Чернышевский противопоставляет «теории капиталистов»...

«Первые проявления новых общественных стремлений всегда имеют характер энтузиазма, мечтательности, так что более походят на поэзию, чем на серьезную науку». Чернышевский, которому принадлежат эти слова [2], ясно понимал, откуда надо увести социализм, чтобы превратить его из поэзии в серьезную науку, видел направление, в котором его надо повести, но не знал, по какой дороге вести и как вести. Вспомним, как он определяет задачи новой школы политэкономии (оказавшиеся не под силу Миллю): «отделить сущность новых мыслей от их политической и декламаторской формы, перевести французское ораторство на холодную теоретическую речь и согласить новые мысли со старыми». В этой фразе Чернышевский прощается с утопическим социализмом. Перед ним маячат новые берега, однако достичь их ему не было дано.

II. Методологические предпосылки и общие основания политической экономии трудящихся

1.

На каких же основаниях строил Чернышевский политическую экономию трудящихся, долженствовавшую превратить социализм в науку?

Чернышевский устанавливал преемственную связь новой школы со старой. «Как в истории общества каждый последующий фазис бывает развитием того, что составляло сущность предыдущего фазиса, и только отбрасывает факты, мешавшие более полному проявлению основных стремлений, принадлежащих природе человека, так и в развитии теории позднейшая школа обыкновенно берет существенный вывод, к которому пришла прежняя школа, и развивает его, отбрасывая противоречащие ему понятия, несообразность которых не замечалась прежнею теорией». «Отличие новой теории (политической экономии— Э. Л.) от устарелой состоит только в том, что новая теория, овладевая существенными выводами старой, развивает их с полнотою и последовательностью, которых не могла достигать прежняя теория» [3].

---

[1] «Капитал и труд», VI, с. 38.
[2] «Июльская монархия», VI, с. 128.
[3] «Капитал и труд», VI, стр. 37—38, 44.

Итак, существуют некоторые основные стремления человеческой природы, которые все больше, чище и полнее реализуются историческим процессом. Что каждая историческия ступень представляет структурную монистичность базиса и идеологической надстройки, Чернышевский понимал, как бы ни были при этом наивны его представления о самом базисе. Но, расценивая экономическую теорию, как составную часть общего мировоззрения той или иной эпохи, он тем самым подчинял ее своей ложно-диалектической схеме, согласно которой исторический процесс представляет стремление вечно и принципиально равной себе человеческой природы, [1] ищущей для себя адэкватного социального устройства и проходящей при этом ряд ступеней все большего приближения к этой предельной форме своего социального самоосуществления. «Сущность» каждой из ступеней Чернышевский видит все в той же человеческой природе, в степени полноты и в степени неискаженности реализации ее основных стремлений. Ему неизвестно, что «сущностью» данной исторической стадии является специфическая, отличающая ее от других стадий, социально-экономическая структура. Таким образом, он сводит исторический процесс к количественному нарастанию некоторого абстрактного и замкнутого в себе качества, низводя реальные превращения количества в качество, реальные движения количества посредством смены качественных узлов до роли сторонних наслоений, мешающих чистому осуществлению вечной категории. Принцип Маркса: каждая общественная форма имеет собственный закон развития, не входил в число методологических предпосылок системы Чернышевского.

Отсюда исходное положение экономической теории Чернышевского: «Если политическая экономия имеет претензию принадлежать к области наук, то-есть заключать в себе хотя малейшую частицу теоретической истины, она должна иметь своим основным принципом такую мысль, которая применялась бы во всякое время ко всякому данному случаю» [2].

С редкой отчетливостью понимая призрачность и лицемерие «естественного права» [3], которое ранняя политэкономия клала в основу своих теорий, Чернышевский «верховный принцип экономической деятельности» берет из своей общефилософской системы. «Каждая частная теория относительно известной сферы жизни сознательно или

[1] См., напр., «Милля», VII, с. 24, или «Антропологический принцип в философии», VI, с. 234, или «Капитал и труд», VI, с. 8.

[2] «Капитал и труд», VI, с. 10.

[3] Чернышевскому принадлежат замечательные слова: «Право, понимаемое экономистами в абстрактном смысле, было не более как призраком, способным только держать народ в мучении вечно обманываемой надежды. Право, в том смысле, как определяли его экономисты XVIII века, как понимал и провозглашал его Тюрго, могло служить только к замаскированию несправедливостей, которые должны были возникнуть из господства индивидуализма, к замаскированию варварства, оставлявшего бедняка в беспомощности. Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право», надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом» («Тюрго», IV, с. 228).

бессознательно выводится из общего миросозерцания данной эпохи»[1] — писал Чернышевский и не уставал повторять, что политическая экономия обязана руководствоваться «философскими приемами», искать «философского выражения» своих положений, связывать свои частные теории с «общим философским воззрением»[2]. Краеугольный камень своей «антропологической» философии Чернышевский определил следующим образом: «При внимательном исследовании побуждений, руководящих людьми, оказывается, что все дела, хорошие и дурные, благородные и низкие, геройские и малодушные, происходят во всех людях из одного источника: человек поступает так, как приятнее ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия»[3].

Отсюда: «политическая экономия признает личный интерес сильнейшим или даже единственным важным двигателем человеческой жизни»[4]. Но основная категория политической экономии, выведенная из этого «верховного принципа экономической деятельности», получается у Чернышевского чрезвычайно расплывчатой, неуловимой и по сути дела лишенной реального содержания. Умная мысль Чернышевского кидается от одного определения к другому, ощущая внутреннюю неудовлетворенность всеми ими, не будучи в состоянии отдать предпочтение ни одному из них, кружась в заколдованном кругу бестелесных формулировок, обволакивающих проблему, но не раскрывающих ее, не подпускающих к ней. Смотрите, какая масса определений «верховного принципа политико-экономических стремлений» в одном только «Милле», т. е. в наиболее систематическом изложении «науки трудящихся»: «благосостояние общества или человечества или человека» (131), «потребности человеческой натуры» (303), «здоровый экономический расчет» (309), «требования разума» (323), «энергия человеческих побуждений» (439), «расчет выгоды» (531), «материальная польза человека, насколько она зависит от внешних предметов» (559).

Эта неоформленность определений есть результат неопределенности самой формы, в которую Чернышевский хочет вместить экономическую науку. Неустойчивость в определении исходной категории политической экономии здесь не случайна и выражает наличие исходного противоречия. В самом деле. К XIX веку естественное право индивида было устранено из буржуазной политической экономии и заменено Бентамовским утилитаризмом. Сам Рикардо признавал утилитаризм общей предпосылкой экономической деятельности, а тем самым и своей теоретической системы, и даже Смит уже строил на утилитаристском в сущности принципе свою теорию трудовой стоимости. Так как экономический эгоизм потому вытеснил в буржуазной

---

[1] «Экономическая деятельность и законодательство», IV, с. 460.

[2] См., напр., IV, с. 311 («Критика философских предубеждений против общинного владения») или VI, с. 28 («Капитал и труд»).

[3] «Антропологический принцип в философии», IV, с. 231.

[4] «Милль», VII, с. 76.

экономии *естественное право индивида*, что оно оказалось бессильным аргументом против распространявшейся социалистической идеи *естественного права общества*, то буржуазные экономисты были в состоянии наполнить свой утилитаристский принцип адэкватным экономическим содержанием. У Бентама приоритет индивидуума над обществом выражен в абсолютной форме[1]. Но и Рикардо, сознательно сделавший предметом экономической науки общество, как целое, не уводит индивидуума с первого плана, а устанавливает положение о неизменном тожестве индивидуальной выгоды с общею выгодой всех[2].

Но ведь для Чернышевского утилитаризм должен был служить не к опровержению естественного права общества, а, напротив, должен был превратить в научное положение эту важнейшую идею раннего социализма, вложив в нее экономическое содержание. С одной стороны, антропологический принцип означает экономический эгоцентризм. С другой стороны, социалистический принцип гласит: «общечеловеческий интерес стоит выше выгод отдельной нации, общий интерес целой нации стоит выше выгод отдельного сословия, интерес многочисленного сословия выше выгод малочисленного»[3]; ошибка, если «общественный расчет забывается для психологических рассуждений о побуждениях и желаниях частных лиц»[4]. Отсюда: «Политическая экономия, если имеет претензию на имя науки, конечно, должна рассматривать предмет с общей точки зрения, иметь в виду выгоды общества, человечества»[5]. Таким образом у входных ворот экономической теории Чернышевского стоит противоречие, и можно сказать, что все ее методологические основания связаны с этим противоречием и со способом его разрешения.

Чернышевский думает примирить два полюса своих методологических предпосылок *раздвоением* «верховного принципа политико-экономических стремлений» на принцип производства и принцип распределения.

---

[1] Бентам пишет: «Говорят, что интересы отдельных лиц должны отступать на задний план перед интересами общества. Что значат эти слова? Не составляет ли каждое лицо такой же части общества, как и всякое другое? *Интересы отдельных лиц суть единственные реальные интересы*. Заботьтесь об отдельных личностях. Не притесняйте их, не позволяйте другим притеснять их, и вы достаточно сделали для общества» («Иеремия Бентам», изд. «Библиотека экономиста», с. XIX).

[2] Рикардо пишет: «Преследование индивидуальной выгоды самым удивительным образом соответствует общей выгоде всех. Стимулируя развитие промышленности, вознаграждая изобретательность, утилизируя наиболее действительным образом все особенные силы, доставляемые природой, этот принцип приводит к очень удобному и экономическому разделению труда между разными нациями. И в то же время, увеличивая общее количество всех продуктов, он распространяет всеобщее благосостояние и, с помощью тесных уз выгоды и сношений, все сильнее связывает все цивилизованные нации в одну всемирную общину».

[3] «Антропологический принцип в философии», VI, с. 232.

[4] «Июльская монархия», VI, с. 82.

[5] «Если наука забывает об обществе для частного лица, она уже должна говорить, что исследования об обществе не ее предмет, а предмет какой-нибудь другой науки. Политическая экономия имеет другие притязания: она хочет говорить об обществе» («Милль», VII, с. 81).

Верховный принцип производства.—«Личный интерес есть главный двигатель производства. Энергия производства, служащая мерилом для его успешности, бывает всегда строго пропорциональна степени участия личного интереса в производстве... В чем же состоит личный интерес? Он состоит в стремлении владеть вещью. Полное владение вещью называется правом собственности над вещью. Итак, личный интерес вполне удовлетворяется поступлением вещи в собственность. Поэтому энергия труда, т. е. энергия производства, соразмерна праву собственности производителя на продукт. Из этого следует, что производство находится в наивыгоднейших условиях тогда, когда продукт бывает собственностью трудившегося над его производством. Иными словами—работник должен быть собственником вещи, которая выходит из его рук».

Верховный принцип распределения.—«Основною идеею учения о распределении ценностей мы находим стремление к достижению... такого порядка, при котором частное число (количество ценностей, принадлежащих лицу) определялось бы посредством арифметического действия, где делителем ставилась бы цифра населения, а делимым цифра ценностей».

«*Оба найденные нами принципа* служат выражением совершенно одной и той же идеи стремления к одному и тому же факту, только с разных сторон. Действительно, когда мы берем значительную массу людей, то все индивидуальные различия сливаются в средней цифре... Поэтому из принципа о соединении труда и собственности в одних и тех же лицах и из права собственности каждого лица на продукты его труда прямо следует распределение ценностей, совпадающее с найденным нами мерилом наивыгоднейшего распределения, т. е. с распределением по средней цифре» [1].

На основе изложенного мы приходим к следующим трем методологическим основаниям теоретико-экономической системы Чернышевского.

Первое.—Политическая экономия рассматривается как наука социально-нормативного порядка. В одном месте Чернышевский прямо об'являет ее «частью нравственных знаний» [2]. Задача политической экономии состоит в том, чтобы, найдя формулу «производства, находящегося в наивыгоднейших условиях труда», и формулу «наивыгоднейшего распределения ценностей», «открыть способы экономического устройства, при которых исполнялось бы это требование здравого смысла» [3]. Таким образом та внеисторическая, естественная катего-

---

[1] «Капитал и труд», VII, с. 12/14.

[2] «Антропологический принцип в философии», VI, с. 237.

[3] «Капитал и труд», VI, с. 334.—Заканчивая «Милля», Чернышевский пишет: «Не успела войти в наши очерки та часть теории, которая, по нашему мнению, наиболее важна в науке. Критикою господствующих понятий нам удавалось приводить читателя к общим принципам устройства, наиболее выгодного для людей. Но мы не успели изложить, в каких главных подробностях должны некогда осуществиться эти принципы и какими переходными ступенями могут уже теперь люди приближаться к наилучшему устройству своих материальных отно-

рия, которая, будучи применена во всякое время ко всякому данному случаю, делает политическую экономию наукой, есть категория нормативная, ибо она характеризует социальную *выгоду*. «Наука,—раз'ясняет Чернышевский,—которая должна быть представительницею человека вообще, должна признавать естественным только то, что выгодно для человека вообще, когда предлагает общие теории. Если она обращает внимание на дела какой-нибудь нации в отдельности, она должна признавать естественными те экономические учреждения, которые выгодны для этой нации, т. е., в случае разделения между интересами разных членов нации, выгодны для большинства ее членов»[1]. Но это значит, с другой стороны, что все те явления экономической жизни и все те экономические учреждения, которые противоречат изложенному определению выгоды, должны расцениваться наукой, как нарушение естественного порядка дел, т. е. как искусственные. «Искусственно то, что невыгодно»[2].

Второе.—Утилитаристский принцип становится исходной категорией политической экономии, выступая в своеобразной *общественной форме проявления*. Индивидуалистический по своей природе принцип производства имеет *социальный коррелат* в принципе распределения и через этот последний действует как «верховный принцип политико-экономических стремлений». Чернышевский сознает кардинальное значение своей идеи общественного проявления принципа экономического эгоизма. Он часто и подробно с цифровыми выкладками раз'ясняет «расчет общественной выгоды». Дело сводится к следующему: все потребности общества распадаются на группы по степени их настоятельности. От об'ема наличного в обществе труда зависит, в какой мере все потребности смогут быть удовлетворены. Так вот, расчет общественной выгоды заключается в том, чтобы не расходовать труд на удовлетворение менее настоятельных потребностей, пока не удовлетворены потребности более настоятельные. «Если хотите,—пишет Чернышевский,—вся сущность новой теории заключается в таком взгляде на различные роды экономической деятельности. Все остальное служит в ней—или развитием этого основного требования... или определением средств для того, чтобы приблизиться к его исполнению»[3].

Характерен для Чернышевского способ логического перехода от «личного интереса» к «общественному расчету». Посредствующим звеном между суб'ективным и об'ективным оказывается среднее число.

шений» (VII, с. 616). В «Милле» же находим такую лапидарную формулировку: «Экономическая наука—медицина экономического быта» (465).

[1] «Капитал и труд», VI, с. 35/36.

[2] Ib., с. 36—Свое понимание естественного и искусственного в экономической жизни Чернышевский подробно развивает в противовес «дикому, но чрезвычайно распространенному понятию об отношениях естественности и искусственности» среди современных ему буржуазных экономистов, т. е. среди вульгарных апологетов капитализма, выступающих против всякой регламентации экономических отношений. См. «Капитал и труд» (VI), а также «Экономич. деятельность и законодательство» (VI).

[3] «Капитал и труд», VI, с. 33.

Оно выражает социалистическую идею равенства, но, выступая в абстрактном, чисто-статистическом смысле, это среднее число Чернышевского лишено какой бы то ни было экономической реальности. Проблема экономического об'ективирования индивидуальных хозяйственных стремлений у Чернышевского отсутствует. Могло ли быть иначе, если в гетерогенности целей в современном хозяйственном строе усматривается не больше, чем нарушение «наивыгоднейшего порядка»?

Третье.—«Основной предмет исследований политической экономии находится в теории распределения; производство занимает ее только как подготовление материала для распределения» (VI, с. 14). Поскольку социальные проблемы хозяйственной жизни переносятся Чернышевским в сторону распределения, это положение само собою разумеется. Однако его следует понимать своеобразно. Чернышевский конечно видит социальную функцию и социальную окрашенность производства. Но что именно формы производства являются первородным социальным комплексом, предопределяющим формы распределения,—этого Чернышевский не понимал; даже самый термин «форма производства» употребляется им в организационно-техническом смысле (напр., крупное и мелкое производство, ручное и машинное производство и т. д.). Производство, по Чернышевскому, стоит вне круга собственно-экономических проблем. Но оно дает базу и критерий всей экономической жизни, ее исходный и конечный пункты, основу «окончательного баланса». Производство составляет для собственно-экономических явлений внешнюю предпосылку, нечто, дающее *извне* готовый принцип деятельности, готовую и естественную форму, готовое, непререкаемое и остающееся равным себе *задание*, которое должно быть разрешено распределением и которое может быть правильно решено лишь помощью некоей адэкватной и единственной системы распределения, столь же естественной, как и принцип производства. Но исторически возникают иные, противоестественные системы распределения, и возникают они совершенно независимо от задач производства и часто вопреки им [1]. В этих случаях неизменный принцип производства указывает, в каком смысле требуется выправить извращенную форму распределения, чтобы создался естественный строй хозяйственной жизни, а экономическая наука отыскивает пути и средства его установления.

[1] «Какая же тут неизменность законов распределения, когда распределение видоизменяется по множеству разных общественных отношений, созданных почти всегда историческими обстоятельствами, *совершенно независимыми от экономических принципов и по большей части прямо противоречащими им*? Разве политико-экономическими принципами был устроен общественный быт при завоевании Римской империи варварами, или во времена феодализма или даже в позднейшие, хотя бы в наши времена? Разве он еще не подчинен *господству влияний, гораздо сильнейших, чем здравый экономический расчет*? Разве из здравого экономического расчета велись войны при Наполеоне I,— войны, развязкой которых решен был экономический быт Европы? Разве по экономическому расчету завладела и хочет продолжать владеть Алжириею Франция? Разве по здравому экономическому расчету устроились и сохраняются поземельные отношения в Англии?» («Милль», VII, с. 309/10.—Курсив наш.—*Э. Л.*).

Чтобы выразить этот круг мыслей, Чернышевский пользовался миллевским противопоставлением производственных и распределительных категорий. И это было с его стороны неудачно. «Рутинные политико-экономы выставляют все части экономического быта одинаково независящими в своих основных чертах от соображений человека о лучшем устройстве человеческого быта. На самом же деле принципы одной только части экономического быта, именно производства, полагаются на человека с необходимостью физических законов,— остальные элементы экономического быта устраиваются уже самим человеком и вполне подлежат власти исторических обстоятельств» [1]. В этой формулировке, скопированной с Милля, не могла найти себе выражения существенная идея Чернышевского о своеобразном— внешнем, абстрактном, непосредственно как бы внеэкономическом— примате производства над распределением. В этом шатком и в своей абстрактности бездейственном примате производства нельзя не видеть движения какого-то нового ряда мыслей, находящихся в совершенно зародышевом состоянии, быть может даже только в состоянии предчувствия, но уже ищущих себе проявления. В дальнейшем мы увидим, как временами гениальная интуиция Чернышевского прорывает эту смутную конструкцию—и под псевдонимом распределительных форм порою выступят перед нами отношения производства. Но до теоретического сознания Чернышевского эти всплески научной проницательности не доходят, они остаются за пределами его экономической системы.

2.

Чернышевский, как мы видели, знал историческое место старой политической экономии и понимал необходимость преодолеть ее путем пересмотра ее содержания с новой классовой точки зрения [2]. Приведем вторично определение внутреннего противоречия старой школы, данное Чернышевским: «А. Смит не заметил разницы между содержанием своей теории, соответствующей экономическому положению среднего сословия, с основным своим учением о труде, как источнике всякой ценности».

В учении о труде, как источнике ценности, Чернышевский видит главную заслугу смитовской школы, и считает, что этим учением заложено начало политической экономии, как науки. Чернышевский целиком принимает его и строит на нем, как мы видели, свой верховный

[1] «Милль», VII, с. 307.

[2] «Теория феодалов выражала интересы людей, совершенно чуждых производству и понятию обмена; потому мало найдется в ней пригодного для экономических потребностей общества, и мы совершенно согласны с отсталыми экономистами в том, что меркантильная система была ошибочна в своих основаниях. Этого нельзя сказать о теории отсталых экономистов. В ней есть элементы совершенно справедливые и для того, чтобы получить теорию, удовлетворяющую истинным условиям общественного благосостояния, нужно только со всей точностью развить основные идеи, из которых выходит господствующая система, но которые или не хочет она развивать, или подавляет примесью враждебных с ними понятий» («Капитал и труд», VI, с. 28).

принцип производства. Но в чем заключается то влияние, которое вносится в теоретическое построение классиков «экономическим положением среднего сословия», которое противоречит учению о трудовой ценности и которое должно быть устранено из политэкономии новыми экономистами? Это—«наследство меркантильной теории, или лучше сказать, отростки того же корня, из которого некогда выростала она» [1], отвечает Чернышевский. «Школа Смита еще не умеет совершенно очиститься от меркантильных воззрений, и с своего собственного глубокого и чисто научного вопроса: «как происходит дело»? беспрестанно сбивается на меркантильный вопрос: «Кто дает деньги на это дело? кому достается денежная выгода от него?»» [2]. Она пользуется «неудовлетворительными приемами поверхностного анализа», «рассматривая экономические явления, как они представляются в меркантильном свете обмена при посредстве денег, или смешивая временные формы экономического устройства с коренною сущностью явлений, проходящих ныне через эти формы в известных странах, проходящих через другие формы в других странах и проходивших через третьи формы в прежние времена» [3].

Чернышевский, следовательно, не только понимал социально-историческое место классической школы, он *чувствовал и брался определять то, что впоследствии Маркс раскрыл как борьбу экзотерического и эзотерического начал в Смитовской политической экономии.* «Через всю теорию школы»,—пишет Чернышевский,—«проходит раздвоение понятий и беспрестанное спутывание одной системы воззрений, чисто научной, идущей к корню вещей, с другою системою, принадлежащею к разговорному языку и поверхностному образу мыслей людей, непривыкших к отвлеченному мышлению» [4]. Это внутреннее противоречие старой теории Чернышевский делает исходным пунктом для построения новой теории. Не так ли поступил и Маркс? Не таков ли, следовательно, путь создания социалистической политической

---

[1] «Милль», VII, с. 29.

[2] Ib., с. 78.

[3] Ib., 156. — Очень важно следующее место из «Милля» же: «В предмете, где все зависит от расчета, Смитовская теория, подобно меркантильной, забывает довести счет до конца, прекращает счет на половине его, как меркантильная теория прекращала на первой строке; она подвигается несколькими строками дальше, потому подходит несколько ближе к истинному выводу, но все-таки до настоящего баланса не всегда умеет досчитаться. Меркантильная система останавливалась на факте заграничной торговли; Смитовская теория идет несколько глубже и находит, что заграничная торговля только часть обмена вообще. Но собственно на этом она и останавливается: о факте, который лежит в основе всего, о производстве она говорит много превосходного, но отвращается от расчета отношений между коренными элементами его: человеческими потребностями, количеством рабочих сил и количеством времени, на которое запасено продовольствие. Оттого, что она не держится твердо этого окончательного баланса, все прекрасное, что говорит она о производстве, пропадает бесплодно, и теория распределения выходит в ней не результатом строго научного анализа, а просто изложением довольно безобразной рутины... а над всем этим возвышается понятие обмена будто живительного начала, без которого не было бы возможно почти никакое производство» (с. 29).

[4] Ib., с. 125.

экономии? Да, так. Да, таков. Но ощущая с огромным историческим критическим тактом противоречие буржуазной политэкономии, Чернышевский не обладал ключом к его уразумению.

От Маркса мы знаем, что противоречие эзотерического и экзотерического элементов у классиков заключалось в столкновении научного об'яснения законов капиталистического способа производства с вульгарным толкованием этих законов, порожденным психологией конкурента. Такая оценка классиков Чернышевскому недоступна. Сообразно всей своей методологической установке, он отрицает самое существование органической системы законов капиталистического производства. Закономерности современного экономического быта представляются ему лишь извращением естественного экономического принципа внешними и чуждыми этому принципу обстоятельствами, подобно тому как буржуазной экономии эти закономерности кажутся нерушимым воплощением естественного экономического принципа [1]. По существу научный метод Чернышевского не дает для противопоставления буржуазной апологетике ничего, кроме социалистического осуждения капиталистического строя. На эту позицию наивности его загоняет последовательное применение им своего метода. В самом деле. Посмотрите странную аргументацию Чернышевского против «меркантильного воззрения» буржуазной экономии, бессильную аргументацию, в которой гаснет блестящая искра его теоретической интуиции: ненаучность Смитовской школы в том-де заключается, что при исследовании законов менового хозяйства она исходит из обмена и денег; или что при изучении капиталистического способа производства она ставит во главу угла вопрос: «кто

---

[1] Чернышевский отказывается считать нормальной, разумной стихийную регуляторную систему капитализма. По поводу взгляда рутинных политико-экономов, что «все рассчитывается и улаживается без помощи сознательного рассуждения со стороны общества, естественным действием механизма цен и индивидуальных интересов», Чернышевский пишет: «Есть ли из бесчисленных сил природы и человеческого организма хоть одна, которая сама собою, без управления сознательным человеческим соображением, действовала бы так, как нужно для пользы человека? Что же за исключение были бы из общих законов природы и человеческого организма экономические наклонности и пружины действия, если бы каждая из них сама собою постоянно действовала именно так, как полезно для целого человека, если бы действия каждой из них в отдельности не нуждались в подведении к общим выгодам целого организма? Это— слишком неправдоподобное мнение» («Милль», VII, с. 333/35).

Еще характернее отношение Чернышевского к естественным законам буржуазной политэкономии выражено в анонимной рецензии (Чернышевским написанной?) на книгу Бруно Гильдебранда «Политическая экономия настоящего и будущего», помещенной в «Современнике» 1861, март. «Автора тревожит,— пишет рецензент,—то опасение, что если и будет отыскан уравнительный закон, то где взять силу, поддерживающую этот закон? Ответ на это очень прост: да она будет заключаться в том же самом законе... Нас скорее занимает другой вопрос: где берется сила поддерживать худой порядок вещей, как теперь сносят люди совершенное уничтожение своей личности?.. Ведь различного рода порядки, нуждающиеся во внешней силе для своей поддержки, могут существовать только при отсутствии здравого смысла в устройстве дел человеческих. Пусть здравый смысл будет основанием этого устройства, он же самый будет и силой, поддерживающей его».

дает деньги, кому достается денежная выгода»; или что она «смешивает временные формы экономического устройства с коренною сущностью явлений, проходящих через эти формы». Мы уже знаем, что, противопоставляя коренную сущность явлений временным формам экономического устройства, Чернышевский имел в виду отделить естественные, истинные, в природе вещей заложенные законы экономического общежития от «уклонений от нормального, естественного экономического порядка» [1], вызванных «историческими обстоятельствами, совершенно независимыми от экономических принципов и по большей части — прямо противоречащими им». Было бы еще с полбеды, если бы под коренной сущностью явлений Чернышевский понимал некоторые общие (абстрактные) определения всякой экономической формы (экономической формы, как таковой), каковы, напр., понятия труда, производительных сил, производственных отношений, общества и т. д. Но как мы знаем, «коренная сущность явлений» Чернышевского — это совершенно конкретная экономическая форма, некогда ушедшая от самой себя и ныне вновь возвращающаяся в себе через гору препятствий, нагроможденных случайностями исторического процесса. Чернышевский выдвигал на первый план проблему разумного распределения труда в обществе. В этом сказалось его прекрасное чутье жизни. Здесь, действительно, стержневая проблема экономической науки. Но Чернышевский не понимал, что самое-то разумное есть историческое явление и притом не стоящее вне данной «временной» экономической формы, а порожденное, даже рефлектированное ею. Каким невозможно трудным, каким трагичным делом должны оказаться критика буржуазной политической экономии и закладка социалистической экономической теории для человека, который не знал, что каждый хозяйственный строй имеет свой специфический «разум», состоящий просто в том, чтобы из года в год воспроизводить в чистоте этот же хозяйственный строй...

После изложенного становится понятным следующее противопоставление новой и старой теорий, в котором Чернышевский резюмирует свои основные политико-экономические идеи.

«Прежняя теория провозглашала товарищество между народами, потому что благосостояние одного народа нужно для благосостояния других. Новая теория проводит тот же принцип товарищества для каждой группы трудящихся. Прежняя теория говорит: все производится трудом; новая теория прибавляет: и потому все должно принадлежать труду; прежняя теория говорила: непроизводительно никакое занятие, которое не увеличивает массу ценностей в обществе своими продуктами; новая теория прибавляет: непроизводителен никакой труд, кроме того, который дает продукты, нужные для удовлетворения потребностей общества, согласных с расчетливою экономиею. Прежняя теория говорит: свобода труда; новая теория прибавляет: и самостоятельность трудящегося» [2].

---

[1] «Милль», VII, с. 156, 440.
[2] «Капитал и труд», VI, с. 44.

3.

Рассуждения Чернышевского о стоимости, по систематизации их и освобождении от некоторых противоречий изложения (связанных с недоделанностью), выступают в виде стройной, логически развернутой теории, непосредственно соприкасающейся с основными методологическими положениями автора. Поэтому, хотя стоимость не представляет для него ни исходной, ни стержневой, ни универсальной категории, а значит и учение о стоимости не является в политической экономии Чернышевского определяющей теорией, однако взгляды Чернышевского на стоимость должны быть рассмотрены сразу после общеметодологических предпосылок. К тому же они открывают ретроспективный взгляд на эти последние.

Чернышевский употребляет пять терминов при изложении своих взглядов на стоимость. Расположим понятия, выражаемые этими терминами, в логическом порядке.

Во-первых, *цена*. Это непосредственно данное явление обмена, денежное возмещение за товар при обмене. «Четверть пшеницы стоит 5 рублей, за рабочий день плотнику платится 1 рубль, за кубическую сажень березовых дров 15 рублей. Это цены» [1].

Во-вторых, *меновая ценность*. «Меновая ценность вещи есть покупательная сила вещи, степень власти к приобретению других вещей взамен за эту вещь». Если в приведенных примерах отбросить слово рубль, «останутся меновые ценности, состоящие в цифре 5, 1, 15. Имея только эти цифры, вы уже будете рассматривать не то, сколько денег нужно на покупку известной вещи, а то, в какой пропорции одна вещь обменивается на другую... В этом самом отношении, в этой пропорции и заключается сущность дела». «При нынешнем устройстве общества меновая ценность вообще совпадает с ценою, потому что очень долго эти два понятия смешивались не только практикой, а даже и теорией» [2]. При этом «меновая ценность каждого товара беспрерывно колеблется на рынке, если экономическая жизнь страны идет довольно деятельно» [3]. Эти колебания подчиняются «основному закону меновой ценности» [4], который состоит в том, что «меновая ценность вещей имеет такую величину, при которой снабжение и запрос равны друг другу» [5].

В-третьих—*натуральная или средняя ценность*. Чернышевский понимает, что рыночными отношениями его «меновая ценность»

---

[1] «Милль», VII, с. 418.
[2] Ib., с. 418.
[3] Ib., с. 486.
[4] Ib., с. 421.
[5] Механизм, которым этот закон действует, следующий: «От увеличения ценности запрос уменьшается, а снабжение возрастает; от уменьшения ценности бывает противное. Потому, если при известной высоте ценности, запрос будет больше снабжения, ценность предмета станет возвышаться, пока снабжение увеличится, а запрос уменьшится настолько, что оба эти элемента сравняются. Если же, наоборот, снабжение будет больше запроса, тот же результат будет произведен понижением ценности» («Милль», VII, с. 420).

может целиком определяться лишь в немногих товарах, количество которых вовсе не может увеличиваться, и, в известном смысле, в товарах, производимых монопольно [1]. Относительно же всех прочих товаров приходится констатировать изменение меновых ценностей независимо от колебаний на рынке, а именно «медленное изменение натуральных или средних ценностей». «Это постепенное возрастание или уменьшение от перемен в стоимости труда» [2].

В-четвертых, *стоимость производства*. Все товары, имеющие среднюю или натуральную ценность, «подводятся под силу уравнения запроса и снабжения косвенным путем, посредством элемента, называемого стоимостью производства» [3]. «Она слагается из меновой ценности труда, употребленного на предмет, и прибыли на этот труд»[4]. «Точка зрения, с которой возникает идея стоимости производства—точка зрения производителя, и собственно только производителя, покупающего труд у наемных работников» [5].

В-пятых, *внутренняя ценность*. Это—«коренное понятие о количестве труда» [6]. Следовательно, внутренняя ценность товара определяется просто количеством труда, потребным для его производства. Эту-то внутреннюю ценность Чернышевский имеет в виду, когда об'являет труд единственным источником всякой ценности.

Таковы—в схематическом виде—представления Чернышевского о стоимости. Не станем вылавливать частичные неточности, неправильности и прямо несуразности, которых в схеме не мало. Уясним себе общий смысл изложенной теории стоимости, а он действительно полон интереса. С самого начала вы с радостным изумлением следите за движением мысли Чернышевского. Вы мало-по-малу перестаете замечать небрежности, наивности и даже грубые ошибки, обильно сопровождающие ход анализа. Вас еще гнетет почти беспрерывное и поспешное подчеркивание Чернышевским своего согласия с Миллем даже там, где Милль нелепо поверхностен, но и это чувство недоумения начинает вас покидать по мере того, как вы втягиваетесь в основную линию мыслей Чернышевского. Вы видите, что Чернышевского не интересовали детали. И вы легко прощаете ему это, и в сером нагромождении ненужностей, непонятностей, несуразностей вы по блесткам анализа подвигаетесь от одной вехи к другой. Какая непреложная логика в этом снимании покрова за покровом, в которые укутана «коренная сущность» хозяйственного явления при капитализме!. С методичностью твердого и ясного ума направляется Чернышевский к цели своего анализа—к «внутренней ценности» вещей. Вот уже пройдена и оставлена позади и в то же время углублена проторенная дорожка «рутинной» политэкономии. Но шаг не задерживается. Взгляд назад—но позади, в истории политэкономии, лишь смутные

[1] «Милль», VII, с. 421.
[2] Ib., с. 485/86.
[3] Ib., с. 421.
[4] Ib., с. 438.
[5] Ib., с. 492.
[6] Ib., с. 438.

предчувствия отцов науки, затерянные среди внешних форм, этих обманчивых плодов буржуазной точки зрения, предчувствия бессильные и чуждые всей тенденции старой школы. Взгляд на современников, — но среди эпигонов старой школы воспевание капиталистического строя, вера (и уверения!) в его предначертанность, непреложность и в его идеальность, а отсюда—тупое и корыстное удовлетворение поверхностными констатированиями, отсутствие потребности в теоретическом анализе. Нет, надо итти дальше!.. И вас охватывает волнение при виде того, как Чернышевский берется за разрешение той проблемы, ответ на которую, увенчал теорию стоимости Маркса и явился окончанием более чем столетних исканий экономической науки. Вам кажется, что Чернышевский видит контуры проблемы. Разве он не говорит, что стоимость производства не совпадает с внутреннею стоимостью, т. е. с количеством труда, *потому, что труд становится наемным трудом*? Разве не поднялся он этим своим утверждением выше самого Рикардо? И разве не ручается за успех изумительное резюме, гласящее что «точка зрения, с которой возникает идея стоимости производства—точка зрения производителя, покупающего труд у наемных работников»?

И вот решительный шаг сделан... Но что случилось?... Вы вдруг замечаете, что «внутренняя ценность» это не только «коренное понятие о количестве труда», но и потребительная стоимость предмета! «Чтобы предмет имел меновую ценность»—читаете вы—«нужно быть ему годным на известное употребление,—по мнению покупателя. На языке политической экономии это выражается так: меновую ценность имеют только те предметы, которые имеют внутреннюю ценность» [1]. Вы почти физически ощутили, как мысль Чернышевского ударилась о стену его метода—и разбилась. Вы видите, как обессиленная, размякшая, обесцвеченная она расплывается и смывает контуры проблемы, отчетливость которых вас только что так радовала и обнадеживала. Вы с болью принимаетесь снова перелистывать очаровавшие вас страницы... Нет, этот трагический конец не случаен. Вы видите теперь, что яркая, стремительная и самостоятельная мысль Чернышевского с первых же шагов отравлена. Вы обращаете теперь внимание на то окружение, в котором проносился увлекший вас поток мысли и которого вы не замечали. И что же? То, что казалось вам при первом чтении досадным, но внешним и устранимым загромождением основной мысли, все это обилие наивных оплошностей и смешных ненужностей—и одновременно невнимание к нелепым деталям Милля,—зырастает перед вашим взором в довольно законченную систему взглядов, общий смысл которой уже знаком нам из предыдущего изложения.

Вглядываясь ближе в пятичленную схему Чернышевского, не так трудно обнаружить, что в основе ее лежит характерная для него идея, что естественные, в сущности вещей заложенные, экономические определения и нормы нарушаются и извращаются при капита-

[1] «Милль», VII, с. 420.

лизме. «Истинный смысл вопроса» об экономических ценностях в том, что они всецело определяются и измеряются трудом, что, следовательно, расчет общественной экономической выгоды при естественном нормальном порядке дел строится на трудовых определениях входящих в этот расчет элементов. Вопрос об *измерении* ценностей занимает, следовательно, центральное и определяющее место. «Непрерывные колебания меновой ценности возбуждают вопрос: неужели же нет для ценностей никакой общей нормы, которая могла бы их измерять довольно прочным образом?» Дело в том, что «избранный мерилом других ценностей товар сам изменяется в своей ценности, и невозможно приискать товара, ценность которого оставалась бы всегда неизменна. Но в словах о труде, как верном мериле чего-то похожего не на меновую, а на внутреннюю ценность или на стоимость производства, проглядывает истинный смысл вопроса» [1]. Если в естественном экономическом строе и можно говорить о меновой ценности и стоимости производства, то лишь как об иных выражениях или иных способах рассмотрения все той же внутренней ценности вещей, ибо в нормальном строе ни меновая ценность, ни стоимость производства количественно не могут от нее отклоняться. Не то в современном хозяйственном строе, который собственно и порождает идеи (категории) цены, меновой ценности и стоимости производства. Здесь определение отношений обмена внутренней ценностью вещей оказывается невозможным—по двум причинам:

Первая причина—конкуренция, «господство принципа соперничества в современном хозяйственном строе». Рутинные экономисты исходят из непреложности этого принципа. Между тем экономический расчет может производиться и без него. Мало того, он происходит без него на наших глазах в огромном количестве случаев, ибо принцип соперничества «применяется лишь к одному из обстоятельств экономической жизни—к феномену покупки и продажи» [2]. По сравнению с теми формами, каких требует разум, соперничество обнаруживает существенные недостатки [3]. «Соперничество знакомит только с результатом, а не с методом, которым достигается результат». Но «каковы способы и средства, точно такова же и норма оценки. Она ставится вне предмета, в его случайной принадлежности,—в продаже и в цене... Коренной недостаток соперничества тот, что нормою расчета берет оно не сущность дела, а внешнюю принадлежность его (не стоимость, а цену)» [4].

---

[1] «Милль», VII, с. 486, 489. Его «не умели ясно представить себе Адам Смит и Мальтус», а их «последователями он был понят как вопрос о меновой ценности».

[2] «Мы знаем, что все те труды и продукты, которые идут на собственное потребление производителя, не поступая в продажу, остаются неподвластны соперничеству... Мы спрашиваем: неужели эти труды совершаются без всякого расчета экономической выгоды?» Дальше следует пример домашней хозяйки, производящей огромное число работ, не выходящих за пределы семьи («Милль», VII, с. 320/21).

[3] «Милль», VII, с. 322/23.

[4] Ib., с. 323/26.

Вторая причина—наемный труд, то, что «труд становится товаром». В чем «сходство и разница между взглядом на количество труда, как норму ценностей, и тем понятием, которое известно в господствующей теории под именем стоимости производства»? «Близость этих идей так велика, что поражает с первого взгляда: и там и здесь считается количество труда, употребленного на производство предмета. Но в стоимости производства считается, кроме труда, прибыль, да и самый труд принимается только как стоимость рабочей платы. Точка зрения, с которой возникает идея стоимости производства,—точка зрения производителя, и собственно только производителя, покупающего труд у наемных работников» [1]. Поэтому через отклоняющее действие стоимости производства меновая ценность «отделяется от внутренней, когда бывает товаром человеческий труд» [2].

Итак, Чернышевский с большим остроумием и с большой логической силою строит своеобразную теорию стоимости, которая должна заключать, во-первых, некий внеисторический верховный принцип ценности, нарушением коего должен характеризоваться буржуазный экономический строй, и во-вторых, те формы, через посредство которых это нарушение происходит. Верховный принцип ценности, естественно, должен отражать в себе уже знакомый нам «верховный принцип всякого экономического стремления», состоящий в своеобразном согласовании труда и потребностей; отсюда—определение внутренней ценности, с одной стороны, как трудовой, с другой стороны, как потребительной стоимости. Далее, по Чернышевскому все социально-исторические стороны хозяйственной жизни относятся к распределению; отсюда—и проблемы стоимости не могут иметь отношения к производству, учение о котором должно быть дано вне всякой связи со стоимостью. Далее, верховный принцип ценности в своем истинном, разумном, ненарушенном содержании должен мыслиться как твердая мера общественного экономического расчета, основанная на внутренних качествах вещей и единая во всех своих проявлениях; отсюда—рассуждения о неудовлетворительности расчета, основанного на цене, и связывание внутренней ценности с вопросом о прочной норме ценностей; отсюда же—положение, что при естественном порядке хозяйства стоимость производства и меновая ценность предметов совпадают с их внутренней ценностью; отсюда же—сложная и, конечно, надуманная классификация потребностей с тщательным рассуждением, какие из них и в какой мере соизмеримы [3]. Наконец, верховный принцип ценности, в соответствии с общей установкой Чернышевского, не абстрактная форма, а тот конкретный метод общественного расчета, при котором хозяйственная жизнь людей была бы наилучшим образом устроена, к которому, следовательно, надо стремиться и который явится завершением человеческого прогресса; отсюда—стержень рассуждений Чернышевского проходит в плоскости

---

[1] Ib., с. 491/92.

[2] Ib., с. 452.

[3] Эта классификация чрезвычайно подробно излагается в «Милле» (VII, с. 439 и след.).

должного, желательного, разумного, и научный критерий густо переплетается с социально-этическим и утопическим [1]. И то обстоятельство, что в современном хозяйственном быту стоимость производства и меновая ценность отрываются от внутренней ценности, является для Чернышёвского дополнительным и неоспоримым доказательством неестественности этого быта и, следовательно нерушимым свидетельством необходимости исправить эту неестественность, что можно сделать лишь приведя формы и методы экономического расчета в непосредственное соответствие с внутренней ценностью вещей.

Но от Маркса мы знаем, что исторический характер капиталистической системы хозяйства вовсе не в том заключается, что ложные социальные формы извращают естественные законы хозяйственной жизни. Совершенно напротив. Как и всякая экономическая формация, капитализм есть исторически определенный способ общественного производства, которому соответствует неповторимая система экономических закономерностей, представляющих единообразный синтез натурально-технических и социальных сторон хозяйственного процесса в эпоху капитализма. Эта система закономерностей *совершенно естественна*, как в том смысле, что она составляет естественно-необходимую, адэкватную форму организации производительных сил на некоторой и вполне определенной ступени их развития, так и в том смысле, что она сама в себе представляет естественно-расчлененное и естественно-связанное регуляторное единство, основой которого служит закон стоимости. Поэтому «внутренняя ценность» вещей при капитализме носит на себе печать исторической определенности формы (Formbestimmtheit—по Марксовой терминологии) процесса производства, а значит и всего хозяйственного уклада. Способ общественного экономического расчета при капитализме не может быть извращением несуществующего внеисторического («истинного») принципа ценности. Он, напротив, должен составлять единственно возможное осуществление специфически капиталистического принципа «внутренней ценности» экономических благ.

4.

В широком смысле слова метод составляет общую предпосылку научной системы, содержащую в себе эту систему, как некоторую абстрактную ее форму, в которой система существует как потенция, как замкнутая в себе и еще не реализовавшаяся в качестве науки сум-

---

[1] Напр., раз'яснив метод расчета, основанный на цене, Чернышевский резюмирует: «Такая шаткость никуда не годится; при ней невозможен никакой путный порядок в экономической деятельности» (VII с. 319). Или: «коренной-то вопрос состоит в том: следует ли труду быть товаром, следует ли ему иметь меновую ценность?» (436)... И вообще, задачу той части книги, которая говорит о ценности, Чернышевский определяет следующим образом: «Рассмотрев законы меновой ценности, исследуем вопрос о том, какое влияние на экономическую судьбу общества должна производить та неизбежная перемена, когда при развитии рассудительности люди станут прилежнее нынешнего всматриваться во внутреннюю ценность предметов» (417).

ма представлений (знаний) о предмете. Логически развернутая научная система, исходя из своего метода, приводит к нему обратно, ни в одном пункте, однако, не покидая его, в каждом пункте выражая и подтверждая его. Будучи условием научной системы, он является в то же время самым чистым ее результатом, в котором она освобождена от опосредствований и случайностей конкретных диференциаций и конкретных усложнений своего предмета. Метод политэкономии Чернышевского, понимаемый в таком широком смысле, мы раз'яснили выше. Теперь мы должны немного задержаться на «гипотетическом методе» Чернышевского.

«Гипотетический метод исследования» (выражение самого Чернышевского) представляет метод лишь в узком смысле слова. Это— практический прием, которым следует пользоваться при решении экономических проблем. Он противопоставляется «методу разбора статистических данных». Это метод упрощения изучаемых проблем посредством научного абстрагирования [1], однако имеющий своеобразные черты. Именно: это—«прием математический»; «иначе и быть не может»—поясняет Чернышевский,—«потому что предмет науки— количества, подлежащие счету и мере, понимаемые только через вычисление и измерение». Таким образом, гипотетический метод Чернышевского есть применение упрощенных, предположительных, гипотетических расчетов для решения экономических проблем. «Имея математический характер, гипотетический метод в сущности всегда действует цифрами», но конечно «абсолютной величине цифр не приписывается тут никакой важности; важность только в том, увеличилась или уменьшилась известная пропорция от перемены в цифре того элемента, характер которого мы хотим узнать. Больше будет или меньше будет,—вот все, что нам нужно знать, чему мы придаем важность»..

В логически развернутой системе (а политико-экономическая система Чернышевского именно такова), метод в узком смысле определяется методом в широком смысле, т. е. методологическими основаниями, на которых развивается система. Действительно, между выше раскрытыми методологическими принципами экономических взглядов Чернышевского и гипотетическим методом полное соответствие. Гипотетический метод есть способ применения а) общественной точки зрения, но б) лишенной социально-исторической определенности, так как в) она является точкой зрения внеисторической, естественной формы экономического общежития, а следовательно подчиненной

[1] «Этот метод состоит в том, что, когда нам нужно определить характер известного элемента, мы должны на время отлагать в сторону запутанные задачи и приискивать такие задачи, в которых интересующий нас элемент обнаружил бы свой характер самым несомненным образом, приискивать задачи самого простейшего состава. Тогда, узнав характер занимающего нас элемента, мы можем уже удобно распознать ту роль, какую играет он в запутанной задаче, отложенной нами до этой поры» («Милль», VII, глава о гипотетич. методе; из нее же дальнейшие цитаты).

математическому разуму [1], и так как г) реально-существующий экономический строй рассматривается под призмой уклонения от абстрактной общественной системы, угол же уклонения должен быть измерен математически, вследствие чего д) даваемые гипотетическим методом ответы: «больше—меньше», «увеличивается—уменьшается» приобретают характер указаний—«польза—вред», «выгода—убыток»,—т. е. указаний, требуемых нормативной установкой политэкономии Чернышевского [2].

Э. Лейкин

(Окончание следует)

[1] Исходя из такой мысленно-существующей формы хозяйства, Чернышевский был в праве писать: «Политико-экономические вопросы решаются посредством гипотетического метода с математической точностью».

[2] Последнее невольно напоминает «моральную арифметику» Бентама, писателя, к которому Чернышевский, как мы уже знаем, имел основание относиться хорошо. Действительно, он ставит Бентама в один ряд со Смитом и Рикардо.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ЧЕРНЫШЕВСКОГО[1]

Э. Лейкин

III. СУЩНОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА

1

«Экономический строй, основанный на трехчленной системе распределения» — под таким наименованием выступает у Чернышевского капиталистический способ производства. В этом нет ничего удивительного, ибо социально-исторические определения хозяйства Чернышевский относит в сферу распределения. Исследования капиталистического производства мы у него, естественно, не находим. Его понятие «капитала» есть натуралистическая категория, очищенная от последних остатков историзма. Капитал есть та «форма труда, когда он реализировался в материальных продуктах, содействующих дальнейшему производству»[2]. Чернышевский противопоставляет понятие «капитал» понятию «капиталист»[3], в их смешении он усматривает один из важнейших грехов политэкономии, для преодоления которого он пошел бы даже на введение новой терминологии, если бы его «книга имела в публике такое значение, чтобы могла утвердить право гражданства за столь большими нововведениями»[4]. Чернышевский здесь последовательно проводит свою (уже знакомую нам) идею об'ективирования экономических категорий, сведения их к «коренной сущности» явлений, освобождения их от внешней маски, наложенной принципом соперничества и т. д. Но в соответствии с общей установкой Чернышевского его здоровое стремление к об'ективированию категорий политэкономии

---

[1] См. «ВКА» кн. 30 (6).

[2] «Милль», VII, 151. Или: «Капиталом называются те продукты труда, которые служат средствами для нового производства» (VII—135). «Капитал есть та часть сбереженных продуктов, потребление которой нужно для успешности самого процесса труда» (104).

[3] «Слово «капитал» служит ныне лозунгом чрезвычайно сильной полемики между отсталою и прогрессивною школами. Отсталая школа неистощима в панегириках капиталу, прогрессивная — в проклятиях ему. Но читатель без труда заметит, что тут идет дело не о том элементе производства, который называется капиталом в строгой науке, а собственно только о роли, какую при известных общественных условиях играют капиталисты. Самое название капиталиста принадлежит не строгой научной теории, а только разговорному языку и почти постоянно употребляется именно в таком из своих многочисленных значений, которое совершенно различно от смысла, какой имеет термин «капитал» в науке» («Милль», VII—132).

[4] «Милль», VII—135.

приводит к ненаучному результату — к их натурализаций, овеществлению, ибо Чернышевскому неизвестна природа исторически-определенной капиталистической об'ективности.

Так как капитал, по Чернышевскому,—элемент производства, то к нему целиком относится общая установка нашего автора в вопросах производства. Задачу свою он видит в том, чтобы показать, что современный экономический строй несовместим с «истинным», «строго-научным» понятием капитала. И хотя при ее решении Чернышевский высказывает несколько глубоких замечаний (напр., о количественном отношении между воспроизводимым и накопляемым капиталами), однако, утопический характер самой задачи не может не привести к совершенно ненаучному, нормативному ответу. Вот этот ответ в резюмированном у Чернышевского виде: «Коренная идея науки заключается в том, что труд есть единственный источник производства с человеческой точки зрения. Другой элемент, которым человек может участвовать в производстве, капитал, составляет только видоизменение труда и притом видоизменение очень мимолетное, исчезает чрезвычайно быстро, так что поддерживается лишь постоянным воспроизведением через труд и по сущности дела не имеет ни малейшей независимости от труда, который один и создает и сохраняет его. Из этого легко видеть, что всякая претензия приписывать капиталу не только преобладание над трудом, но хотя бы какую-нибудь самостоятельность, должна считаться уклонением от нормального экономического порядка. Как по своему происхождению, так и по самым условиям возможности длить свое существование, капитал в сущности дела не больше, как только принадлежность труда» [1]

В своем исходном пункте учение о трехчленной формуле распределения непосредственно связано с основными экономическими понятиями Чернышевского. Существует некоторый разумный, соответствующий требованиям теории принцип распределения, и трехчленная система есть отступление от этого принципа, «чрезвычайная несуразность». Из естественного принципа распределения выводятся естественные формы вознаграждения участников производства. «Точная научная теория вознаграждения» состоит в следующем: «С человеческой точки зрения, весь продукт обязан своим возникновением труду; стало быть, весь он должен составлять принадлежность того самого организма, трудом которого создан. Если в создании продукта участвовал труд не одного, а многих человеческих организмов, продукт должен распределиться между ними пропорционально количеству труда, вложенному каждым из них в создание продукта» [2]. Этот истинный

---

[1] «Милль», VII, 156. Еще гораздо более наивное толкование капитала под этим же углом зрения противопоставления капитала капиталистической системе находим в статье 1857 г. В ней Чернышевский устанавливает существование наряду с материальным капиталом гораздо более важного «нравственного капитала», сливающегося с организмом работника и заключающегося в трудолюбии, честности, расчетливости, благоразумии, умственной развитости, предприимчивости. Этот нравственный капитал не только источник материального, но и постоянно превосходит последний по ценности. Если мы это усвоим, то, «избежав односторонности понятий, предохранимся и от опасности жертвовать участью массы народа ради выгод людей, располагающих материальными капиталами» («О некоторых условиях, способствующих умножению народного капитала. Речь И. Бабста».—III, 507—9).

[2] «Милль», VII,—150.

принцип вознаграждения подвергается в современном экономическом строе троякого рода извращениям.

Первое.—В нынешнем строе существует требование вознаграждения за отсрочку личного потребления, или умеренность, или воздержание. Чернышевский остроумно замечает, что «нормальное вознаграждение», вытекающее из сущности дела, заключается здесь «во-первых в сознании благоразумности такого образа действий; во-вторых, и это главное, в том, что сохранение вещи... дает средство потребить ее завтра». А «если кроме этого нормального вознаграждения существует еще требование особенного вознаграждения, не вытекающего из сущности дела и состоящего в том, чтобы количество продукта не просто сохранялось, а увеличивалось от его сохранения, то наука должна рассмотреть, из каких внешних, посторонних самому делу обстоятельств проистекает такое требование, благоприятны ли для общественного благосостояния эти обстоятельства, и, если благоприятны, то какими способами можно поддержать и усилить их, а если неблагоприятны, то какими способами можно ослабить и искоренить их» [1]. Так стоит вопрос о прибыли.

Второе.— «Отступлением из принципа, основанного на сущности дела, являются те случаи, когда материалы или силы природы, существующие независимо от труда, доставляются природою или в количестве, допускающем обращение их под власть отдельных людей, или даже в количестве, меньшем того, какое было бы нужно людям; в этих случаях, при известном состоянии общества, возникает монополия таких предметов и сил». Задача науки здесь: «рассмотрение экономической роли этого феномена и об'яснение степени его соответственности с потребностями человека и с экономическим расчетом» [2]. Так стоит проблема ренты.

Третье.— Наличие этих двух отклонений от нормального принципа извращает самый принцип. Вместо вознаграждения за труд, равного «всей сумме продуктов, бывающих результатом труда», выступает «рабочая плата — сумма предметов, получаемых трудящимся, если он трудится не в свою собственную прибыль, а в прибыль хозяина» [3].

Изложенная, основная у Чернышевского, постановка проблемы капиталистического распределения производит двойственное впечатление. Четко направленная социальная заостренность не имеет сколько-нибудь строгой экономической опоры. Поспешность, с какою делаются социально-нормативные выводы, способна вызвать сомнение в том, выводы ли это, не готовый ли это ответ, известный автору до всякого исследования, не вытекающий из исследования, заменяющий собою исследование или даже подставляющий вместо научного исследования подбор аргументов. Но говорить так было бы несправедливо. В действительности то, что мы изложили, представляет доступную Чернышевскому и предопределенную его методологическими предпосылками форму об'ективной постановки проблемы распределения. Научная теория капиталистического распределения должна дать ответ на два коренных вопроса, органически связанных: 1) *что именно* распределяется, — вопрос *о подлежащей распределению субстанции* и 2) *как происходит* распределение, — вопрос *о механизме распределения.*

---

[1] «Милль», VII, 80.
[2] Ib., 150.
[3] Ib., 48.

Чтобы разрешить первый вопрос, необходимо подвергнуть исследованию *экономическую ткань* капиталистической системы как таковую, как материал, из которого построено здание капитализма, и притом как материал в его абстрактной форме, в форме абстрактной субстанции, безразличной к многообразию своих реальных проявлений. Маркс потому мог дать совершенную научную теорию распределения, что, направив анализ на элементарную форму богатства в капиталистическом обществе — на товар, выявил специфическую экономическую субстанцию товарного хозяйства (абстрактный труд), имеющую свою имманентную форму существования в стоимости. Таким образом оказалось, что всякое деление и сочетание богатства (в том числе и распределение доходов), происходящее в товарно-хозяйственной системе, может быть понято *лишь как деление и сочетание стоимостей*.

Чтобы разрешить второй вопрос — о механизме распределения — необходимо подвергнуть исследованию общественный способ создания экономической субстанции, подлежащей распределению. Распределение продуктов производства неминуемо (по природе дела) складывается в систему, обслуживающую и вызывающую такую расстановку этих продуктов как элементов и условий производства, при которой стало бы возможным и необходимым продолжение (повторение) производства. Распределение продуктов производства поэтому определяется самым непосредственным (почти рефлекторным) образом общественным способом производства. Маркс потому мог дать совершенную научную теорию распределения, что, раскрыв тайну товара, он вслед за тем раскрыл тайну капиталистического производства товаров, что, следовательно, открыв экономическую субстанцию товарнохозяйственной системы, он затем открыл закон сохранения и умножения этой экономической субстанции при капитализме. Таким образом оказалось, что всякая форма распределения при капитализме есть не что иное, как выполнение соответственного требования капиталистической формы производства, что распределительные отношения представляют лишь иное выражение капиталистических производственных отношений.

При тех методологических предпосылках, которыми пользовался Чернышевский, ему были *принципиально недоступны* изложенные условия научной теории распределения. Мы видели, что капиталистические отношения стоимости он считал лишь неправильным способом общественного расчета и рассматривал их вне какой бы то ни было связи с производством. С другой стороны, законы производства и капиталистические социальные отношения он выводил и определял изолированно, противопоставляя одни другим как нечто принципиально непримиримое, как исторически случайно и неестественно существующую комбинацию, подлежащую устранению. Идея исторической определенности законов производства была начисто исключена методологическими основами системы Чернышевского.

Теоретическое бессилие Чернышевского в вопросах распределения отчетливо выступает в вышеприведенной формулировке «точной научной теории вознаграждения», представляющей основу его теории распределения: «С человеческой точки зрения весь продукт обязан своим возникновением труду; стало быть, весь он должен составлять принадлежность того самого организма, трудом которого создан». Но что означает «человеческая точка зрения», этот сколок антропологического принципа, в политической экономии? Раз'яснение Чернышевского гласит: «Продукт труда возникает

из сочетания трех основных элементов, из которых один вносится в него человеческим организмом, а два другие — внешнею природою: из материала, из сил природы, преобразующих этот материал, и из труда... Внешние предметы и силы внешних предметов *входят в экономический расчет* лишь тогда, когда бывают продуктами труда, и должны входить в него пропорционально количеству труда, употребленного на их создание»[1].

Положение Чернышевского очень тяжело. Что продукты обязаны своим возникновением, кроме труда, еще средствам производства и земле, невозможно отрицать. Как же тогда опровергнуть апологетические вымыслы буржуазной экономии, что продукт труда должен делиться между обладателями этих трех элементов производства? У Маркса, открывшего, что распределение продуктов при капитализме осуществляется при посредстве распределения стоимостей, не иначе, как в форме распределения стоимостей и лишь поскольку происходит распределение стоимостей, и знавшего, что стоимость создается только трудом, ложь вульгарной экономии опровергалась мимоходом. Но для Чернышевского, видевшего во «внутренней ценности вещей» одновременно и «коренное понятие труда» и потребительную стоимость и понимавшего капиталистическое распределение как и извращенное распределение продуктов, борьба с буржуазной экономией требовала огромного напряжения. Какая глубокая интуиция видна в стремлении Чернышевского разрешить проблему путем *противопоставления материальных элементов производства «экономическому расчету*!» Но ведь общественный «экономический расчет» при капитализме сливается с продуктами производства и существует в них как их свойство (стоимость); эта сверхчувственная воплощенность и образует способ, которым элементы производства вводятся в экономический расчет, так что последний реализуется в форме самостоятельного движения как будто внутреннего свойства продуктов. А Чернышевский искал некий верховный принцип экономического расчета, витающий над элементами производства, выбирающий между элементами производства и даже в попорченном историческими случайностями виде независимый от элементов производства. Оттого и самый принцип экономического расчета носит двойственный характер нерешенного вопроса: то ли его понимать в смысле имманентного и об'ективного, то ли в смысле нормального и должного.

Теоретическое преодоление теории распределения вульгарной экономии было для Чернышевского невозможно. Капитуляция была неизбежна. И действительно, в главе о трехчленном распределении продукта читаем: «Не к тому мы ведем речь, что не нужно было в науке раздробление продукта на три части (ренту, прибыль и рабочую плату), соответственно каждому из трех элементов производства (земле, капиталу и труду). Напротив, это очень нужно, совершенно необходимо для теории... Политическая экономия непременно должна разлагать продукт на доли, соответствующие разным элементам производства: ренту, прибыль и рабочую плату». И все, что метод Чернышевского может дать для аргументации против вульгарной экономии, выражено в следующих за этим фразах нашего автора, теоретически совершенно беспомощных: «Но этою частью дела, на которой останавливается господствующая теория, еще не исчерпывается вся задача науки... Разложив продукт на доли, соответствующие

---

[1] «Милль», VII, 150—151; курсив наш.

разным элементам производства, она должна искать, какое сочетание этих элементов и долей дает наивыгоднейший практический результат. В чем тут состоит задача, понятно каждому: надобно отыскать, при каком сочетании элементов производства данное количество производительных сил дает наибольший продукт»[1].

Мог ли Чернышевский, не ответив на вопрос о природе распределяемой субстанции, разрешить вопрос о механизме распределения? Разумеется, нет. Все, что было ему доступно, это ссылка на конкуренцию. И действительно, он пишет: «Форма трехчленного распределения предполагает, что из трех элементов производства каждый особо принадлежит отдельному классу, *и доля из продукта, достающаяся этому классу*, определяется соперничеством»[2].

И в самом деле, каким бы образом мог продвинуться глубже этой поверхности волнений современной экономики человек, не исследовавший процесса капиталистического производства? Чернышевский не понимал природы общественного экономического расчета при капитализме. Это значит, он не знал, каким образом, на основе каких закономерностей вводятся при капитализме в экономический расчет факторы производства. Чернышевский считал непререкаемым принципом, что по природе дела экономически учитывается лишь труд и то, что носит на себе печать труда. Но Чернышевский не понимал, *каким образом труд — как источник богатства — входит в экономический расчет* в современном хозяйственном строе: он не знал труда, создающего стоимость. Но раз так, ему невозможно было знать, *каким образом* при капитализме *вводится в экономический расчет труд как элемент производства.* Что же удивительного в том, что, хорошо зная факт эксплоатации наемного рабочего[3] и в значительной мере на этом факте строя свою социалистическую аргументацию, Чернышевский не поднялся до сколько-нибудь научной теории прибавочной стоимости, что он нигде (даже в «Милле») совершенно не разрабатывает этого вопроса, будучи не в силах усмотреть в нем узловую проблему трехчленной системы распределения и даже соскальзывая, как мы видели, на грубое деление продукта соответственно элементам производства.

И при всем том представляет большой интерес следить за напряженными исканиями Чернышевского *около* проблемы. Это поучительнейший пример борьбы Чернышевского со своим методом. Метод заявляет: «Коренной-то вопрос состоит в том: *следует ли* труду быть товаром, *следует ли* ему иметь меновую ценность?.. Труд — не предмет отдельный от человека, т. е. не такой предмет, который дозволительно покупать и продавать, не такой предмет, которому следует иметь меновую ценность»[4]. Ищущая мысль Чернышевского отвечает: коренной вопрос в том, *может ли* труд быть товаром, *может ли* труд быть ценностью? «Труд не есть продукт. Он

---

[1] «Милль», VII, 363—364.

[2] «Милль», VII, 371; курсив наш.

[3] Так, в статье «Капитал и труд» читаем: «По распределению ценностей общество распадается на два разряда: экономическое положение одного из них основывается на том, что в руках каждого из его членов остается количество ценностей, производимых трудом многих лиц второго разряда; экономическое положение людей второго разряда состоит в том, что часть ценностей, производимых трудом каждого из его членов, переходит в руки лиц первого разряда» (VI—27).

[4] «Милль», VII, 436.

еще только производительная сила, он только источник продукта. Он отличается от продукта, как мускул от поднимаемой мускулом тяжести, как человек от сукна или хлеба»[1]. Метод говорит: однако, это факт, что в современном быту труд есть товар и продается в качестве ценности; и задача теории поэтому в том, чтобы доказать ненормальность этого факта, представляющего лишь количественное отличие от невольничества[2], и чтобы нынешний нездоровый строй противопоставить естественному, в котором труд не будет товаром. Неугомонная мысль Чернышевского не слушает и продолжает искать: труд есть норма ценностей, их мера, их источник — он не может поэтому сам быть ценностью; «мерилом предмета или понятия, конечно, не может служить сам предмет или само понятие,— для этого нужны другой предмет, другое понятие, находящиеся в тесной связи с измеряемыми, как их источники, причины или результаты, но совершенно различные от них; господствующая теория только потому и не могла понять норму ценности, что причислила труд к ценностям»[3].

Сознание Чернышевского, как видим, почти вплотную подходит к необходимости об'яснить факт наемного труда продажей не труда, как это делает известная ему политэкономия, а чего-то отличного от труда. Но достаточно бегло просмотреть *форму* исканий Чернышевского, чтобы не осталось сомнений, что открыть товар—рабочую силу—ему невозможно. Вырываясь от своего метода, Чернышевский тянет за собой важнейшие из его заветов, будучи органически не в силах избавиться от них. Чернышевский ищет разрешения глубоко уловленного им противоречия на пути натуралистических противопоставлений труда продукту и на пути внеисторических категорий «внутренней ценности» и нормы внутренней ценности. При таких условиях безоружные искания не могли не превратиться в случайные блуждания, и победа ошибочного метода, поддерживаемого огромным логическим инстинктом Чернышевского, была неизбежна.

2

Рассмотрим заработную плату, прибыль и ренту в понимании Чернышевского.

Заработная плата.—С нее начинает Чернышевский разбор трех элементов трехчленного распределения. Не связав ее с производственным процессом, не пойдя дальше совершенно общего положения, что заработная плата есть «оплата труда с дисконтом», поставив ее, следовательно, в зависимость от одной лишь конкуренции, Чернышевский с первых же строк оказывается в плену теории «фонда рабочей платы». Анализ заработной платы у Чернышевского есть в основном критический аккомпанимент к теории фонда,

[1] «Милль», VII, 493.

[2] «Чем же отличается покупка труда от покупки человека? Только двумя обстоятельствами: во-первых, продолжительностью времени, на которое совершается продажа, во-вторых, степенью власти, какую дает над собой продающийся покупающему. Но очевидно, что то и другое различие — различие только количественное, а не качественное, только по степени, а не по основному характеру. И притом прямо так называемая покупка человека может принимать формы, ничем не отличающиеся от так называемой покупки труда, и по этим обоим отношениям... Юрист и администратор могут интересоваться разницею между покупкою труда и невольничеством; но политико-экономист не должен» (ib., 437).

[3] «Милль», VII, 493.

проводимый в характерных для нашего автора методологических формах. Вот резюме: «При данном состоянии нации величина рабочей платы определяется пропорциею между суммою капитала, идущего на рабочую плату, и числом людей, нанимающихся в работу. Чем больше число этих людей, тем ниже уровень рабочей платы. Чем ниже уровень рабочей платы, тем больше выгоды нанимателям труда». «Если размножение не сдерживается какими-нибудь средствами, рабочая плата быстро падает до минимума, и дальнейшее ее понижение задерживается только физическою невозможностью поддерживать жизнь при меньшей величине ее. Постоянно возникающий излишек населения постоянно уносится последствиями материальной нужды» [1].

Критический аккомпанимент, которым Чернышевский сопровождает принимаемую им теорию фонда рабочей платы, в сущности не больше, чем характерное для него осуждение такого положения, которое буржуазная экономия стремится оправдать в качестве якобы естественного. Чернышевский нарочито подчеркивает, что «при трехчленной системе распределения необходимо приискивать искусственные средства, чтобы отвратить излишек размножения и избавить общество от его убийственных последствий»[2]. Это по Чернышевскому единственно мыслимый ответ на проблему заработной платы, и из «политико-экономов почти ни у кого недостает характера, чтобы понимать всю суровость представляющейся им задачи». Но для Чернышевского не может быть сомнений, что искусственное регулирование размножения — чистейшая фантазия; отсюда его убеждение в невозможности улучшить положение рабочего класса при капитализме [3]. Он считает несостоятельными все проекты повышения зарплаты, предлагаемые экономистами, называет их бессильными паллиативами, обнаруживая при критике этих проектов замечательное чутье жизни и тонкое остроумие [4].

Но рассуждения Чернышевского о заработной плате далеко не ограничиваются социалистическим толкованием теории фонда. Вопросы заработной платы Чернышевский видел чрезвычайно многосторонне и в большом числе связей. Он видел влияние машин [5], понимал значение женского и детского труда [6], дал критику теории компенсации, оценил значение отставания сельского хозяйства для движения заработной платы [7], отметил влияние международной миграции рабочих [8]. Наконец, в связи с законами

---

[1] «Милль», VII, 388, 375.

[2] Ib., 375.

[3] «Размножение — пишет Чернышевский — может войти в надлежащие границы, а рабочая плата может иметь удовлетворительную высоту лишь тогда, когда ход промышленных дел будет основываться не на наемной работе; иначе сказать, величина рабочей платы может быть удовлетворительна лишь тогда, когда в действительности не будет наемного труда, т. е. не будет и рабочей платы,— когда в действительности этот элемент будет сочетаться в одних руках с прибылью, когда отдельные классы наемных работников и нанимателей исчезнут, заменившись одним классом людей, которые будут работниками и хозяевами вместе» (ib.—388).

[4] Нельзя в этой связи оставить без внимания рассуждения Чернышевского о «праве на работу», «провозглашенном людьми, которые не имели решимости идти до конца, но не имели бездушного тупоумия говорить, что общество ничего не может сделать в пользу массы» («Милль», VII, 380—381).

[5] Но об'яснял его своеобразно и во многом неправильно. См. «Милль», VII—182.

[6] Ib. 392.

[7] Ib. VII, 527.

[8] Ib. VII, 388.

прибыли, он пытался установить добавочную тенденцию к падению заработной платы [1]. Но все это разнообразное обилие аргументов, часто не развитых научно, но всегда глубоко захватывающих экономическую жизнь, не могло не остаться в рассыпанном виде, ибо необходимого условия целостной аргументации, сцепляющей воедино различные доводы,— увязывания проблемы заработной платы с процессом капиталистического производства — Чернышевский не имел.

Прибыль. — Здесь игнорирование капиталистического производственного процесса оставляет доступными для Чернышевского лишь чисто описательные и теоретически ошибочные положения. Вот центральное из них: «При трехчленном делении продукта затраты на производство делает капиталист: за вычетом этих расходов остается ему из продукта доля, называющаяся прибылью. Она состоит из нескольких элементов. Часть ее служит капиталисту вознаграждением за то, что он обратил на производство свой капитал; эта часть называется в строгом смысле слова процентами на капитал. Из остающегося, за вычетом этих процентов, излишка прибыли часть служит вознаграждением за риск предприятия. Другая часть излишка служит вонаграждением за труд управления делом. Каждый из этих трех элементов прибыли очень часто отделяется от других» [2]. Чернышевский, следовательно, придерживался своеобразной теории *вменения* отдельных частей прибыли отдельным функциям капиталиста. Вопрос о создании прибыли Чернышевский не включает в свои рассуждения, и его знания о прибавочной стоимости остаются без приложения к развиваемой им теории прибыли. Для него характерен своеобразный прагматизм в постановке проблемы прибыли, который может быть выражен так: не может быть капиталиста без прибыли, а так как в современном строе хозяйничают капиталисты, то должна существовать и прибыль. Каковы реальная природа и источники этой прибыли, процесс ее возникновения, ее границы — все эти вопросы Чернышевским просто не ставятся. Все, что он знает по вопросу о границах прибыли, это то, что она находится в обратном отношении с рабочей платой, но т. к. он отожествляет рабочую плату со всеми издержками производства (в соответствии со смитовским сведением всего продукта к $v+m$), то это положение есть не что иное, как констатирование, что разность и вычитаемое стоят друг с другом в обратном отношении. Никакого анализа экономического содержания этого обратного отношения прибыли и зарплаты у Чернышевского, по самой постановке вопроса, найти нельзя. Нечего и говорить, что возможности одновременного возрастания той и другой Чернышевский допускать не мог.

Основным законом развития прибыли Чернышевский считает тенденцию к росту.

«Ни Рикардо, ни кто другой из политико-экономов смитовской школы не обратили надлежащего внимания на результаты, происходящие от свойства прибыли и в особенности от свойства процентов расти по геометрической прогрессии» [3], — говорит Чернышевский и строит на вычислении сложных процентов длинные цифровые ряды. Бурно ускоряющийся темп возрастания прибыли, полученный таким образом, он сопоставляет с ростом

---

[1] «Милль», VII, 523—524.
[2] Ib. VII—393.
[3] Ib., 398.

богатства (суммы продукта), несравненно более медленным (ибо процент возрастания здесь берется значительно меньший); и вот готов вывод: «Прибыль имеет постоянную тенденцию развиваться до того, чтобы захватывать как можно большую долю из фонда рабочей платы; она стремится поглотить весь этот фонд и останавливается в таком стремлении лишь материальною невозможностью для работника существовать иначе, как при известной величине рабочей платы». Наивная аргументация арифметикой процентов ведет свою историю от младенчества политэкономии, она не требует даже критики. Но всякая наивность имеет свою логику: логика теории Чернышевского о «силе сложных процентов» [1], создающей тенденцию прибыли к возрастанию, заключается в пренебрежении проблемою капиталистического производства.

Чернышевский видит совершенную нереальность тех норм и темпов, к которым его приводит «сила сложных процентов». Чтобы примирить с действительностью полученную им тенденцию прибыли, он формулирует несколько контртенденций, важнейшие из которых обусловлены «натурою человека», условиями возрастания рабочего населения в «высоко развитом обществе» и тенденцией земельной ренты, которая в отношении прибыли играет — по Чернышевскому — ту же роль, что прибыль в отношении зарплаты [2].

Земельная рента.— Чернышевский исходит из Рикардо и занимается только дифференциальной рентой, подобно Рикардо связывая ее с последовательным переходом к обработке худших земель [3]. Но так как он не опирается на предварительное исследование капиталистического процесса производства, то все время колеблется между двумя противоположными пониманиями ренты. С одной стороны, рента есть вычет из прибыли [4]; следовательно, имеет своим прямым источником прибыль. С другой стороны, рента *противостоит прибыли и рабочей плате*, как сама прибыль противостоит рабочей плате и имеет «тенденцию поглотить прибыль и рабочую плату» [5]; следовательно, основана на некоем самостоятельном от прибыли источнике.

Тенденцию ренты к абсолютному и относительному росту Чернышевский с присущей ему наблюдательностью видит отчетливо, но обосновывает он ее такой же цифровой игрой, как и тенденцию прибыли. И здесь описываемый им механизм роста движется на холостом ходу, совершенно из'ятый из сферы экономической реальности. И здесь Чернышевский выну-

---

[1] «Милль», VII, 403.

[2] «Милль», VII, 403—404 и 533—534.

[3] «Она — только излишек прибыли, остающийся в некоторых случаях по некоторым отраслям производства», «Милль», VII—401.

[4] Но Чернышевский угадывал и абсолютную ренту. Заявляя, что землевладелец уступит худшую землю даром, он оговаривает: «Разумеется, надобно понимать это относительно тех участков последнего сорта, которые лежат небольшими клочками среди лучшей земли. Они возделываются благодаря своему местоположению, но ничего не прибавляют к плате, получаемой землевладельцами за лучшую землю (VII—4..5). В одной из ранних статей (1854 г.) Чернышевский, однако, придавал абсолютной ренте большее значение: «Теория Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она об'ясняет только причину различия в ренте различных земель, не принимая, что и самая плохая из обрабатываемых земель приносит ренту, и не об'ясняя этого: она выводит ренту ниже действительной величины ее, потому что берет ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства» («О земле как элементе богатства, А. Львова», I—138).

[5] «Милль», VII, 414.

жден приспособить его к действительности, дополняя свою схему препятствиями к осуществлению тенденции. Препятствия росту ренты он видит в «действии двух сил, совершенно противоположных по влиянию на общественное благосостояние, но совершенно одинаково действующих на ренту». «Первая из этих сил — сила, совершенно посторонняя трехчленному делению продукта, сила цивилизации, прогресса, усовершенствований. Общая формула всякого прогресса состоит в том, что он уменьшает силу неравенств. Таким образом низшая норма успешности дела, норма, определяющая ренту, значительно облегчается» [1]. Вторая сила «находится в самой чрезмерности стремления ренты возрастать: рента идет к поглощению прибыли и рабочей платы, т. е. к низвержению трехчленного деления продукта, к замене его формою устройства, еще менее удовлетворительною,— формою, при которой и предприниматель и работник потеряли бы самостоятельность, сделались бы принадлежностью землевладельца, частью его собственности... Такая ретроградная тенденция отражается на производстве уменьшением его успешности... (что ведет—*Э. Л.*) к уменьшению самой суммы продукта, т. е. ведет к уменьшению населения; а при уменьшении населения, конечно, прекращается надобность возделывать последний из возделывавшихся прежде сортов земли, и от этого рента подрывает сама себя» [2].

Но среди этих слабых, совсем некритических положений, сама остроумность которых представляет надуманную игру в полумраке абстракции, внезапно сверкнет чистая глубина проблемы, освещенная социальной проницательностью нашего автора. Такова его полемика против утверждения политической экономии, что «рента вообще не увеличивает собою расходов производства». «Если смотреть на дело — пишет Чернышевский — только со стороны продажных цен при трехчленном делении продукта, оно действительно кажется так. Если бы капиталист не платил ренту, то кажется, что он продавал бы хлеб все-таки за ту же цену, за какую продает его при платеже ренты. Но совершенно иное открывается, когда мы, не останавливаясь на цене, феномене внешнем и случайном, разберем сущность дела» [3]. И переводя ренту из денежного счета в счет труда, Чернышевский на ряде таблиц показывает, что оплата ренты отвлекает от совокупного общественного труда все растущую долю, которая при отсутствии землевладельцев была бы обращена на обслуживание необходимых потребностей общества.

3

Изолирование экономических категорий капитализма от процесса производства и трактовка их как уклонений от некоей естественно-определенной экономической системы, два проявления общеметодологических предпосылок Чернышевского, лежат, как мы видели, в основе его теоретических злоключений в исследовании капиталистической экономики. При этом борьба, которую научный инстинкт Чернышевского вел с его ошибочным методом, принимает своеобразные формы. С одной стороны, конкретные особенности капиталистической системы стоят перед Чернышевским как ряд готовых фактов, требующих своего включения в общую теоретико-

---

[1] «Милль», VII—413.
[2] Ib., 414.
[3] Ib., 408—409.

экономическую схему. С другой стороны, эластичность логических границ этой схемы не приспособлена к тому, чтобы вместить в форме саморазвивающейся дедуктивной цепи многостороннюю систему капиталистической экономики. В самом деле, по Чернышевскому капиталистические формы не больше, чем уклонения от естественного экономического порядка, вызванные причинами, внешними по отношению к нему. Но такая постановка исключает самую идею монистического толкования законов капиталистической системы. Плюралистичность, а значит эклектичность, обоснований здесь совершенно неизбежна и лежит в природе дела. И действительно, мы были свидетелями, как при изучении капиталистических закономерностей метод Чернышевского теряет характер продуманности и внутренней цельности и рассеивается в виде разрозненных и случайных апелляций к разуму и психологии естественного порядка и в виде специальных, ad hoc построенных и друг с другом внутренне не связанных (а порою друг другу даже противоречащих) числовых выкладок. Можно поэтому утверждать, что никакой эвристической и теоретико-познавательной службы при об'яснении фактов капиталистической действительности, а тем более при распознавании и определении скрытых в этих фактах тенденций метод Чернышевского нести не мог. Мы несколько раз видели, как замечательный исторический и экономический инстинкт Чернышевского подсказывает ему в той или иной области ответ, близкий к правильному (часто даже совпадающий с правильным), а его логический инстинкт выдвигает обоснование, близкое к его общеметодологической схеме (иногда совпадающее с нею). Такими верными ответами, конечно, никогда не идущими дальше самых общих формулировок, Чернышевский обязан своей способности вырываться из методологической сети (здесь, правда, основательно развязанной), хотя при этом он вовсе не преодолевает ее. Но гораздо больше случаев, когда невооруженный инстинкт обманывает Чернышевского или когда ошибочное обоснование затемняет и спутывает верную догадку или острое наблюдение. Многочисленные верные положения Чернышевского о заработной плате, прибыли, ренте, об их соотносительном движении часто напоминают в его изложении кучу звеньев рассыпавшейся цепи, сложенных в порядке, не соответствующем природе ни звеньев ни цепи и в своей искусственности окрашенном в наивные тона «здравого» психологизма и веры в силу абстракного числа. Собрать звенья в единую цепь, адэкватную капиталистическому способу производства, Чернышевскому не было дано. Неудивительно. Выводя капитал непосредственно из труда, следовательно, независимо от стоимости, Чернышевский закрывал себе путь к единственно научному пониманию капитала как самовозрастающей в процессе производства стоимости. Лишившись таким образом субстанциальной основы для учения о капиталистическом распределении. Чернышевский должен был самое это учение превратить в своеобразный вариант той теории, которая через полстолетия выступила в науке под названием социальной теории распределения. Поскольку природу капитализма Чернышевский сводил к природе капиталистического распределения, его учение о содержании современного хозяйственного строя оказалось лишенным научного скелета и расплылось на разрозненные логические струйки, не раз даже противоположно направленные.

И все же, хотя теоретическая мысль здесь обессилена и принижена, и даже верные положения строятся на ложных основаниях, так что глубина

этих положений есть глубина проницательности и предчувствия, но не научного анализа, — все же огромный и многосторонний ум Чернышевского делает его искания поучительным эпизодом в истории социалистической экономической теории.

IV. ТЕНДЕНЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.— ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ СОЦИАЛИЗМА

Историческая миссия капиталистического способа производства — огромное и максимальной стремительности развитие производительных сил, невзирая на вызываемые этим развитием страдания человеческих масс, ценою этих страданий, ценою обезличения человека и прямого разрушения его жизни, словом — производство ради производства, непосредственно бессмысленный процесс, несущий в себе, однако, глубокий исторический смысл— подготовку материальных и социальных условий для общественного производства, этой тысячелетней мечты человечества об экономическом благоденствии и свободном развитии индивидуума. Чернышевский не понимал исторического места и исторической миссии капитализма, он казался ему извращением естественного порядка, порождением внешних причин, следовательно, почти историческим недоразумением. Отсюда неспособность занять об'ективную позицию по отношению к капиталистическим процессам, неумение об'ективировать экономические категории капитализма, приверженность к огульному отрицанию капиталистического процесса. Отсюда же неумение проецировать жизненные проблемы человеческого общества на экономическом экране капиталистического способа производства. Смещение масштабов и пропорций и изменение удельных весов, которым подвергаются отдельные из этих проблем и целые связки проблем, преломляясь в капиталистической производственной среде, не могли быть доступны Чернышевскому, раз он не понимал самого процесса капиталистического производства. Это обстоятельство наложило тяжелые путы на его теоретико-экономическую систему, связав его тем кругом и тем порядком проблем, которые он нашел у буржуазной экономии, не давая ему осознать, что тот совершенно новый подход к этим проблемам, который он выдвинул, и та оригинальная окраска проблем, которую он произвел, несовместимы со старой архитектоникой науки. В значительной мере поэтому происходит и то, что наиболее глубокие и истинные положения Чернышевского не сливаются с его теоретической схемой, а если и связаны с нею, то мнимою и логически незаконною связью. В последнем мы могли убедиться в предыдущей главе и еще ярче это выступит в последующем изложении, где огромный экономический инстинкт и острая наблюдательность Чернышевского предстанут пред нами в своем полном величии и где в то же время с неотразимой ясностью подтвердится замечание Гегеля: «То, что известно, еще не есть оттого познанное».

1

Чернышевский придавал незаслуженно большое значение проблеме народонаселения [1]. В его сознании гуманиста и человеколюбца высший и

[1] Из шести с половиной сотен страниц «Милля» целая сотня занята вопросами народонаселения, если же взять только собственный текст Чернышевского, доля будет еще больше.

конечный смысл хозяйственного процесса отожествлялся со свободой и радостью естественной жизни. Он ненавидел капитализм, потому что капитализм омрачал и извращал этот смысл, не давал ему осуществиться, а собственный смысл капиталистического способа производства был ему неизвестен. Но в буржуазной политической экономии проблема народонаселения противопоставлялась социальной проблеме, служила аргументом против последней и оправданием капиталистического строя. Приняв бой в той плоскости, которая ему предлагалась политической экономией, Чернышевский — в соответствии с общей своей установкой — взялся доказать, что мальтусова естественного перенаселения при «естественном экономическом порядке» быть не может.

Критику Мальтуса Чернышевский ведет в высшей степени умело и оригинально. Он прекрасно отдает себе отчет, с кем имеет дело. «Мальтус — пишет он — начал свои исследования с намерением защитить нынешний экономический порядок от упреков, делавшихся ему реформаторами... Прямым образом защищать обычаи и учреждения, являющиеся невыгодными для человеческого благосостояния, казалось ему невозможным»[1]. Чернышевский видит также невежество Мальтуса и легко показывает, что последний совершенно незнаком с фактами, которые берется обобщать, и что он «выписывает из математических книг цифры, происхождения и смысла которых не понимает сам» [2]. Но, что всего важнее, Чернышевский нащупал теоретический стержень мальтузианских рассуждений и сумел извлечь из этого все важнейшие выводы.

Чернышевский дает чрезвычайно удачную формулировку пресловутому тезису Мальтуса, такую, которая раскрывает путь к наглядному его опровержению. Вот эта формулировка: «Земледельческие усовершенствования не в силах уравновесить дефицит в продукте, являющийся от ослабления производительности земледельческого труда с возрастанием количества труда... Величина дефицита представляется в теории Мальтуса громадною, непобедимою» [3].

Отсюда задача критики оказывается в том, чтобы исследовать, *во-первых*, действительно ли размеры Мальтусова дефицита так огромны, а, *во-вторых*, действительно ли этот дефицит не может быть преодолен естественными экономическими средствами.

Чернышевский остроумно показывает, что если из прогрессий Мальтуса делать выводы «не по бессчетной фантазии, а по правилам арифметики», дефицит окажется совершенно ничтожным [4]. И вслед за этим направляет

---

[1] «Милль», VII—247.

[2] Ib., 269.—Таким образом, и в те годы, когда он относил Мальтуса к классикам политэкономии, Чернышевский оценивал его достаточно отрицательно. В дальнейшем эта оценка заостряется, и в одном письме 1877 года (из Вилюйска) Мальтус называется «пустым шарлатаном, на которого стоит лишь плюнуть». («Чернышевский в Сибири», вып. II, письмо от 21 апреля 1877 г.).

[3] «Милль», VII—253.

[4] Он исходит при этом из следующей трактовки содержания Мальтусовых прогрессий (геометрической для размножения, арифметической для увеличения продукта): «Ясно, по какому отношению возникают члены второй строки из членов первой: возрастающие в геометрической прогрессии прибавки к числу работников дают каждая одинаковую прибавку к продукту. Например, 1 новый работник, прибавившийся во втором периоде, увеличивает своею работою продукт на 1; 2 работника, прибавившиеся в третьем периоде, увеличивают продукт также только на 1; 4 новые работника четвертого периода и 8 новых работников 5 периода и т. д. увеличивают продукт также на 1. Очевидно,

огромную силу критического удара против главного теоретического нерва мальтузианской лжи—против закона убывающего плодородия земли, на котором, как на внутренней предпосылке, эта ложь покоится и вместе с которым она стоит и падает. Ложность же этого «закона» Чернышевский понимал совершенно таким же образом, как ее понимает марксизм [1].

Вывод нашего автора из подробнейшего анализа мальтузианской теоремы гласит: «Ни в каком случае дефицит земледельческого продукта не может появляться от естественной невозможности предотвратить его. Если мы примем явно преувеличенную прогрессию ослабления производительности земледельческого труда, принимаемую Мальтусом, и если мы примем какой угодно краткий период удвоения (населения — *Э. Л.)*, хотя бы явно невозможный по устройству организма, мы все-таки получим, что для предотвращения дефицита нужно было бы усовершенствование земледельческой техники лишь в таком размере, который гораздо меньше действительного прогресса в земледельческом искусстве». И поэтому «на необозримое пространство времени отстраняется право приписывать закону природы человеческие бедствия. Все то будущее, о котором в силах мы судить или хотя воображать, и далекое течение времени за самыми пределами этого горизонта—очищено наукою от необходимости или какой бы то ни было надобности быть бедственным для человека» [2].

Но опровержением мальтузианской апологетики капитализма, скрывающейся за ламентациями об ужасах перенаселения, Чернышевский не ограничивается. Приняв бой на территории противника и выбив оружие из

что производительность труда новых работников, прибавляющихся в каждом новом периоде, уменьшается в той же прогрессии, в какой возрастает количество этих прибавляющихся работников... Иначе говоря, Мальтусова теорема предполагает, что процент размножения работников служит процентом уменьшения производительной силы труда прибывающих работников» (254). По существу Чернышевский здесь правильно толкует Мальтуса. Плеханов за неточностями выражений и ошибочностью некоторых деталей просмотрел, что *в основном* Чернышевский здесь верно схватил жизненный нерв Мальтусова построения. Антонов приводит отзыв, данный Каутским в 1881 г. (т. е. когда он еще пытался примирить социализм с мальтузианством) о работе Чернышевского: «Мальтус так блестяще опровергнут им, что уже немыслимо спасти сочинения и личность Мальтуса» (Антонов — Н. Г. Чернышевский, 1910, стр. 4). Это, правда, несколько расходится с тем, как тот же Каутский в 1910 году толкует свое тогдашнее (1881 г.) впечатление от критики Чернышевского (см. предисл. к русск. изд. «Размнож. и развитие и т. д.»).

[1] «Странно сказать,— пишет Чернышевский,— вот уже несколько десятков лет твердят экономисты, вслед за Мальтусом, о прогрессивном уменьшении производительности земледельческого труда, а между тем до сих пор никто не позаботился собрать какие-нибудь статистические данные, относящиеся к этой прогрессии,—никто даже не сообразил, что это было бы нужно: что пока этого не будет сделано, об уменьшении производительности земледельческого труда можно будет рассуждать лишь совершенно наобум, как рассуждал Мальтус, как рассуждают до сих пор» (VII—253). Что же касается теоретического анализа проблемы убывающего плодородия, то Чернышевскому принадлежит замечательная по простоте и исчерпывающей содержательности аргументация: «Положим, например, что существует в известной стране трехпольное хозяйство с известными посевами и что земля возделывается плугами и боронами известного устройства. Если все это остается в прежнем виде, а число населения и число хлебопашцев удвоится, то земледельческий продукт не будет достигать величины, вдвое большей прежнего. Но если трехпольное хозяйство заменилось лучшим севооборотом, или при сохранении трехпольного хозяйства улучшилось качество посева, или введены лучшие способы пахания, или улучшилось устройство орудий, то усиление производительности, приносимое этими улучшениями, может дать при удвоении числа работников продукт не только вдвое больший, но и слишком вдвое больше прежнего» (VII—255).

[2] «Милль», VII—281, 283.

его рук, Чернышевский направляет оружие своего противника против него самого. Разрушив корыстную легенду Мальтуса о *естественных* границах человеческого благополучия, Чернышевский *эти же самые границы* об'являет *противоестественной* причиной современных экономических страданий масс. Он пишет: «Мальтус был прав, говоря, что с размножением населения является непобедимый никакими земледельческими улучшениями дефицит земледельческого продукта,—дефицит, производящий нищету с ее последствиями. Мальтус ошибся только тем, что остановился на одновременности этих двух явлений и голословно назвал одно из них причиною другого, между тем как связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходят они не одно из другого, а каждое имеет свою особенную причину... Дефицит производится тем, что, несмотря на успехи цивилизации, еще остается в жизни общества слишком много отношений, искажающих характер цивилизации» [1].

Две причины вызывают, по Чернышевскому, дефицит земледельческого продукта в современном хозяйственном строе. *Первая:* «несоразмерное нуждам науки и размеру успехов земледельческой техники отвлечение рук от земледелия к другим занятиям или переход их к праздной жизни» [2]. В силу этой причины дефицит должен оказаться гораздо большим, нежели тот, о котором шла речь до сих пор и который брался в предположении неизменного числа земледельческого населения. *Вторая:* малая прибыльность капитальных вложений в сельском хозяйстве, отвлекающая «рассудительных людей» от совершенствования земледелия. Эта причина затрудняет борьбу с дефицитом, быстро возрастающим согласно первой причине [3].

Какая слабая позитивная аргументация после сокрушительной критики, данной Мальтусу! Следствия выдаются за причины, вопросы считаются решенными там, где они только удовлетворительно сформулированы, а последнею инстанцией об'являются естественные нормы: в первом случае абстрактные «нужды науки», во втором—туманная и невыясненная, но по всей видимости природная особенность земледелия [4].

Чернышевский видел *факт* перенаселения при капитализме. Он хорошо понимал, что это перенаселение не может быть приписано естественным причинам. Он понимал, таким образом, его *историческую отно-*

---

[1] «Милль», VII—290. И несколько дальше: «Он неотвратим при их существовании, хотя бы размножалось население, хотя бы не размножалось. Пока они существуют, остаются в полной силе действия над обществом те выводы мальтусовой теории, которые нимало не оправдываются теорией производства. Пока существуют те обстоятельства, масса не может выбиться из нищеты с ее последствиями» (303).

[2] Ib., 291.

[3] Но ежели бы вместо капиталистов само общество занялось экономическим расчетом, то оно «руководилось бы тут вовсе не расчетом процентов прибыли на капитал, а просто потребностью избежать страданий, которые были бы порождены земледельческим дефицитом; без всякой потери для общества могут быть обращаемы на производство земледельческих улучшений все те руки, которые не заняты выгодным для общества производством; какова бы ни была прибавка от их труда к земледельческому продукту, она будет составлять чистый выигрыш». «А пока дело идет о снабжении общества достаточным продовольствием, выгодным для общества трудом бывает лишь производство предметов необходимости» (VII—295).

[4] К каким невероятным ошибкам приводит Чернышевского эта аргументация, видно из того, что в связи с нею он высказывает положение, что ежели бы в сельском хозяйстве нужны были только высокоприбыльные капитальные вложения, не «существовало бы нищеты в Европе» (ib., 292).

сительность. Но не исследовав капиталистического способа производства, он был бессилен раскрыть действительные корни и действительный характер перепроизводства людей при капитализме, этого избыточного населения при избыточном производстве, и об'яснял его недостатком продуктов питания, т. е. недостаточным производством. Относительное перенаселение капиталистического общества он обосновывал, таким образом, аргументами от абсолютного перенаселения. Какое поразительное чутье экономической жизни заключается в следующей фразе Чернышевского, звучащей прямо как афоризм: при системе трехчленного распределения «каждая страна уже имеет излишек населения, как скоро перестала быть пустыней» [1]. Но создать *теорию относительного перенаселения*, т. е. научно обосновать свое замечательно верное наблюдение, *Чернышевскому не было дано*.

2

Позиция Чернышевского в вопросе народонаселения характерна для его отношения к проблемам экономического развития вообще. Это — *реабилитация естественного прогресса*. В противовес буржуазной науке, относящейся к законам капиталистического развития как к естественным экономическим законам, Чернышевский каждое явление современного хозяйственного процесса *разлагает на «коренную сущность» и «внешнюю форму»*. Внешняя форма при капитализме извращает и омрачает внутреннюю сущность экономического процесса. И реальное экономическое явление при капитализме есть уклонение от естественной линии прогресса, представляющее результат *борьбы* двух сил — абстрактной и внутренней тенденции прогресса,— с одной стороны, и препятствий к ее осуществлению, порожденных внешними историческими условиями [2],— с другой стороны. Если буржуазная экономия, стремясь реабилитировать капитализм, об'являла его естественным порядком общества, то Чернышевский, стремясь осудить капитализм, противопоставлял его естественному порядку, который в его глазах таким образом реабилитировался.

Приведем два примера этой реабилитации естественного порядка в дополнение к рассмотренной реабилитации естественного закона народонаселения. В примечаниях к Миллю Чернышевский специальную главу посвящает «неприятности труда». Ее идея в следующем: «Почти все роды труда, и в том числе все важные роды его, имеют по своей сущности приятность или привлекательность, которая далеко превышает их неприятную сторону, если даже есть в их сущности неприятная сторона (существование которой сомнительно)», так что «почти все неприятные ощущения производятся не самою сущностью труда, а только внешнею, случайною обстановкою его»; а эта обстановка создается «такою организациею общества, которая была устроена для деятельностей, совершенно не похожих на труд и требующих характера отношений, противоположного тому, какой нужен для труда» [3].

[1] «Милль», VII, 380.

[2] «По истории оказалось,—пишет Чернышевский,—что нынешние экономические формы возникли под влиянием отношений, противоречащих требованиям экономической науки, несовместных ни с успешностью труда, ни с расчетливостью потребления,— словом сказать, представляют собой результаты причин, враждебных и труду и благосостоянию. Например, в Западной Европе экономический быт основан на завоевании, на конфискации, на монополии» («Начала народного хозяйства, В. Рошера», VIII—140).

[3] «Милль», VII, 71, 74, 75.

Так же ставится Чернышевским вопрос о влиянии разделения труда на работника. «Принцип разделения труда сам по себе очень согласен с физиологическими потребностями человеческого организма и (мы) можем только заключать из этого, что если бы нашлась в действительности какая-нибудь форма производства, противная гигиеническим условиям, то вред человеческому здоровью наносился бы естественно этою формою, а не принципом разделения труда, только неудачным, односторонним его применением, а не сущностью его» [1].

Резюмируя свою оценку разделения труда при капитализме, Чернышевский дает формулировку, характеризующую его установку во всей проблеме капиталистического прогресса: «*Мы имеем две формулы, соединение которых дает тот вывод: элемент, развитие которого необходимо для благосостояния, гибелен для массы людей своим развитием... К подобному выводу сводятся почти все вопросы политической экономии*. Долго недоумевали мыслители, как разрешить *эту антиномию*. Сначала им показалось, что она неразрешима, и знаменитейший приговор в этом смысле был произнесен Мальтусом: страдания — неизбежная участь массы. *Но теперь вся штука раз'яснилась иначе*» [2]. Чернышевский, как мы знаем, эту «антиномию» капиталистического развития раз'яснил учением о том, что естественный экономический прогресс задерживается в своем поступательном движении препятствиями, вырастающими из современного устройства экономического быта. Но что же такое самый этот естественный прогресс? Плеханов верно подчеркивает неясность, отвлеченность, расплывчатость представлений Чернышевского о прогрессе [3]. В качестве основы выступает «развитие наук», оно «служит общим источником всех других (сторон прогресса): благодаря ему совершенствуется техника, уничтожаются варварские учреждения и дикие обычаи, распространяется участие в гражданских правах на массу населения» [4], причем «общая формула всякого прогресса состоит в том, что он уменьшает силу неравенства» [5].

Совершенно ясно, что при всей своей социальной остроте формулировка, которую Чернышевский дает «антиномии» капиталистического развития, была бессильна вскрыть реальное содержание движущего механизма современного экономического строя, а следовательно, его исторические корни, его историческую предопределенность и развитие условий его конца. Неизбежность гибели капитализма Чернышевский не мог выводить из нарастания его внутренних противоречий, а должен был доказывать положением об усилении противоречий между трехчленной системой распределения, с одной стороны, и требованиями естественного прогресса, т. е. науки, разума, абстрактного интереса нации или человечества и т. д., с другой стороны.

В чем Чернышевский видит источники препятствий, все в возрастающей мере воздвигаемых трехчленной системой распределения на пути

---

[1] «Милль», VII, 85.

[2] Ib., 184—185; курсив наш. — *Э. Л.*

[3] Но Плеханов не прав, заявляя, что Чернышевский различал *прогресс сам по себе* от экономического прогресса. Экономический прогресс у Чернышевского входил составной частью *в общий естественный прогресс* (который как целое противопоставлялся влияниям, идущим от трехчленной системы) и представлял «силу, совершенно постороннюю трехчленному делению продукта, силу цивилизации, прогресса, усовершенствований» («Милль», VII, 413).

[4] Ib., 183.

[5] Ib., 183.

естественного экономического прогресса? Во-первых, в том, что эта система означает невыгодное для общественного прогресса распределение покупательной силы, в форме которой выступает здесь распределение продукта; во-вторых, в том, что эта система вызывает рост экономического неравенства.

Все, что в очень разнообразном изобилии написано Чернышевским по поводу первого из этих двух источников — невыгодного для прогресса распределения покупательной силы — может быть сведено к четырем проблемам, разумеется, тесно между собою связанным в качестве взаимодействующих и друг в друга переходящих.

Во-первых.—При трехчленной системе нарушается научный принцип общественного экономического расчета. По Чернышевскому, из «сущности дела» вытекает классификация всех родов труда на абсолютно-выгодные, абсолютно-убыточные и такие, степень выгодности которых определяется в зависимости от степени материального благосостояния и размера средств, достигнутых обществом [1]. Из предыдущего мы знаем, что принцип общественного расчета заключается в том, чтобы распределить труд общества таким способом, при котором он не тратился бы на обслуживание высших потребностей, когда еще не удовлетворены низшие. Между тем, в современном хозяйственном строе распределение труда следует за распределением покупательной силы, а это последнее лишь выражает распределение продукта. Поэтому распределение труда «начинается с удовлетворения высших (потребностей), а на низшие оставляется только то, чему случилось остаться» [2]. Далее, мы знаем, что трехчленная система распределения представляет нарушение естественного принципа вознаграждения и что ее тенденцией является рост прибыли по сравнению с заработной платой и рост ренты по сравнению с зарплатой и прибылью, вместе взятыми. Отсюда прямо вытекает, что чем дольше существует трехчленная система деления, тем больше покупательной силы уходит на «фальшивые потребности», на роскошь, на «общественные дурачества» [3]. Тем больше, следовательно, становится расхождение между существующим распределением труда, с одной стороны, и требованиями науки и верховного принципа хозяйствования — с другой.

Во-вторых.— Невыгодность для общества современной системы распределения покупательной силы вытекает из факта торговли. Ныне «всякое возвышение экономической деятельности становится увеличением обменов между хозяйственными единицами, так что наконец при высоком развитии такого быта торговые обороты владычествуют, повидимому, над всею экономическою деятельностью» [4]. По этой причине происходит отвлечение «самых деятельных и даровитых людей от производства, в котором всего полезнее были бы для общества их способности, к торговле, в которой

---

[1] См. подробнее «Милль», VII, 65.

[2] Ib., VII, 61.

[3] Об отношении науки трудящихся к роскоши см. VII—68, об «общественных дурачествах»—там же, 330. Ср. также отношение Чернышевского к Миллю, видящему наличие большого излишка в современных странах, поскольку они непроизводительно потребляют значительную часть годичного продукта, и сожалеющему, что этот излишек неравномерно и неразумно распределяется. Чернышевский считает этот миллевский излишек мнимым и указывает: «Надобно жалеть не только о том, что мнимый излишек... распределяется и употребляется дурно, надобно еще больше жалеть о том, что нация обольщается, воображая, будто имеет излишек, когда вовсе не имеет его» (86—7).

[4] Ib., VII, 494.

силы их обращены не на увеличение продукта, а только на разные перестановки уже готового продукта». Число торговцев очень велико, потому что «столько их может прожить в убыток обществу торговою прибылью» [1].

В-третьих.— Невыгодность распределения покупательной силы в современном обществе вытекает из основанных на этом распределении периодических кризисов. Чернышевский прямо формулирует: «Корень этого бедствия заключается в отделении покупательной силы от производства и потребления» [2]. Он высмеивает об'яснение кризиса кредитными явлениями. Его не удовлетворяет также миллевское толкование кризиса с «одной коммерческой стороны процесса». Чернышевский считает, что надо рассмотреть отношение между производством и потреблением, чтобы дойти до источника причин кризиса. И тогда обнаруживается «противоречие действительности с экономической теорией». «Теория предполагает, что производство ведется по расчету сбыта на потребление; в таком случае производство никогда не может оказаться чрезмерным... Но регулируясь спекуляциею, производство увлекается работать не по расчету потребления, опережать размер сбыта на действительное потребление. От этого происходит периодический излишек производства над потреблением, ведущий к остановке в производстве... Усиленный поток производства не успел еще дойти до области потребления, как он уже сжимается, сохнет, по бессилию спекуляции питать его, долгое время» [3]. «Сбыт не идет размеренным шагом, как потребление; он вечно находится в лихорадочных пароксизмах, и крайняя энергия сменяется в нем совершенным бессилием. К довершению гибельности невозможно заблаговременно предусматривать ни времени, ни продолжительности этих перемен, ни интенсивности каждой из них. Потому производство капиталиста подвержено беспрерывным застоям, а весь экономический порядок, основанный не на потреблении, а на сбыте, подвержен неизбежным промышленным и торговым кризисам, из которых каждый состоит в потере мильонов и десятков мильонов рабочих дней. Эти кризисы, эта насильственная утрата рабочего времени невозможна при производстве, мерилом которого служит потребление» [4].

Как видим, в теории кризисов ищущая мысль Чернышевского зарывалась глубже кого бы то ни было из предшественников Маркса в экономическую подпочву капитализма, с изумительной чуткостью улавливая фальшь существующих толкований кризиса [5] и угадывая коренную причину этого сложнейшего явления капиталистического хозяйства (противоречие между производством и потреблением при капитализме). Но Чернышевский оказался не в силах раскрыть внутренние связи проблемы и превратить гениальную догадку в научное об'яснение. Бесскелет-

[1] «Милль», VII, 500.
[2] Ib., 485.
[3] Ib., 484—85.
[4] «Капитал и труд», VI, 43.
[5] Нельзя не отметить умного отзыва Чернышевского о реакционных фантазиях Мальтуса и Сисмонди — устранить капиталистические кризисы перепроизводства посредством перепотребления эксплоататорских классов. «Они делали,—писал Чернышевский,— фальшивое заключение, когда полагали, что прекращение роскоши могло бы усилить обременительность таких явлений, которые собственно и производятся непропорциональным со средствами общества распределением рабочих сил между производством предметов первой необходимости и предметов роскоши, слишком большою тратою труда на предметы роскоши и на занятия, совершенно непроизводительные» («Милль», VII, 101).

ная формула распределения покупательной силы толкает к уже совершенно бесформенному положению об «отделении покупательной силы от производства и потребления», а это положение неизбежно расплывается в рассуждения о торговле как причине кризисов, рассуждения, растворяющие все специфические отличия капитализма в общих определениях обмена. Отнесение к спекуляции всего круга факторов, составляющих содержание взлета капиталистического накопления в фазе под'ема, снова и снова отражает *отсутствие исследования капиталистического производства* у Чернышевского, эту роковую границу всех его теоретических построений [1].

В-четвертых.— Неправильное, не соответствующее теории распределение покупательной силы при трехчленной системе «замедляет успехи производства и ослабляет успешность труда» [2]. Это связано с положением и перспективами крупного производства в современном экономическом строе.

Крупное производство для Чернышевского обесспорное веление теории, следствие и составная часть верховного принципа экономической деятельности, непреложное условие «устройства, допускающего нацию извлекать полную выгоду из естественных средств страны» [3]. «Коренная черта экономического прогресса с технической стороны — расширение производительной единицы по мере успехов сочетания труда; все отрасли производства постепенно принимают фабричный размер» [4]. Но «повсюду успех производства является произведением двух факторов: один из факторов — степень совершенства производительных операций, другой фактор — качество труда или, что то же, качество работника, исполняющего эти операции» [5]. Первый связан с разделением труда, моментом, искаженным при современном строе; второй достигает для крупного производства подлинного развития лишь при самостоятельности трудящегося, т. е. при уничтожении наемного труда [6]. Вот почему в современной экономической системе «хозяйственная единица не имеет значительного размера, требуемого теорией, и не может, по недостаточному своему об'ему, совместить занятие множеством нужных человеку производств с высоким разделением труда в каждом производстве» [7]. Это положение следует понимать двояко. Оно означает, во-первых, что укрупнению производства кладется известный предел современною системой хозяйства и, во-вторых, что и в доступных при этой системе пределах не может быть достигнута наилучшая степень успешности труда [8].

---

[1] Конечно, Чернышевский, выдвигая спекуляцию как непосредственную причину кризисов, считал ее неотделимой от капитализма, а значит и самые кризисы неустранимыми. Он писал: «Спекуляция — душа нынешней торговли. Восставать против спекуляции или стараться обуздать ее при нынешнем порядке — пустая трата слов, напрасная игра в бесплодные, стеснительные меры. Наука требует, чтобы вместо ребяческой борьбы с неизбежным результатом известного устройства мы занялись разбором и исправлением самого устройства, производящего такой результат» (VII, 500).

[2] «Милль», VII, 509.

[3] Ib., 380.

[4] Ib., 523.

[5] Ib., 211.

[6] Обоснование, которое Чернышевский дает последнему положению, мы приводим ниже, в большой цитате из «Милля» о смене форм труда.

[7] Ib., VII, 493—4.

[8] В статье «Капитал и труд» обоснование этого последнего положения систематизировано в виде трех причин, заключающих в себе моменты, уже известные нам: 1) «энергия труда пропорциональна степени участия трудящегося в продуктах», 2) «направление

Вывод (на примере сельскохозяйственного производства)[1] гласит: «Для хорошего хозяйства необходим большой размер полей. Для хорошего хозяйства необходимо, чтобы работники были хозяева, а не наемники. Пока эти условия не совместились в хозяйстве, оно будет плохо»[2]. Поэтому, чтобы открыть свободный путь естественному экономическому прогрессу, необходимо современную систему заменить «товариществами трудящихся».

Мы видим, что капиталистическая концентрация производства освещается методом Чернышевского совершенно извращенно. Концентрация производства, происходящая по законам капиталистической системы и в силу этих законов, есть, по Чернышевскому, линия естественного экономического прогресса, тормозящаяся капитализмом и находящая себе осуществление *вопреки* капитализму. Но, превратно поняв импульсы и движущие силы современной концентрации производства, Чернышевский не мог поставить и решить вопрос о пределах этой концентрации, а тем самым и вопрос о пределах капиталистического способа производства вообще.

Мы рассмотрели четыре направления, в которых распределение покупательной силы при трехчленной системе оказывается невыгодным для общественного прогресса. Наряду с ними и в связи с ними Чернышевский, как указано, особо выдвигает *рост экономического неравенства* при трехчленном делении продукта.

Из предыдущего мы знакомы с «верховным принципом распределения» Чернышевского, представляющим вознаграждение индивидуума по средней цифре, то есть равенство в распределении. Мы приводили также фразу Чернышевского, что «общая формула истинного прогресса состоит в том, что он уменьшает силу неравенства». Между тем, современный строй в своем развитии стремится углубить экономическое неравенство. Сосредоточивая внимание на этом факте, Чернышевский не ограничивается уже знакомыми нам заключениями о росте ренты относительно прибыли и зарплаты и росте прибыли относительно зарплаты. Он ставит кардинальный вопрос о «законе самобытного действия экономических принципов, управляющих движением частной собственности»[3]. Он предпринимает кропотливейшие расчеты, чтобы выявить последствия принципа наследования в области позе-

---

производства, характер продуктов, на которые обращен труд», 3) «кризисы невозможны при производстве, мерилом которого служит потребление». См. подробное рассуждение, Цит. соч.,VI, 42—43.

[1] Чернышевский отчетливо понимает, что сельское хозяйство подчиняется тем же экономическим законам, что и промышленность. В этом вопросе он полемизирует с политэкономами (в частности с Миллем). Он убежден «в приближении коренной реформы земледельческого производства, реформы вроде той, какая произведена в мануфактурном деле открытиями конца прошлого и начала нынешнего столетий. Земледельческий процесс отличается от фабричного гораздо большей сложностью элементов, участвующих в нем... Этим объясняется, почему наука стала управляться с земледельческими вопросами гораздо позднее, чем с фабричными... Теперь она уже владеет значительной частью нужных по земледельческим вопросам сведений и быстро приобретает те, которых еще недостает ей. Из этого надобно заключать, что скоро исчезнут причины различия между земледелием и фабричной промышленностью по отношению к выгодности производства в большом размере» («Милль», VII, 209). Чернышевский придавал огромное значение Либиху и паровому плугу, тогда еще новинке. Говоря о теории народонаселения Чернышевского, мы уже имели случай указать на его оценку перспектив сельскохозяйственного производства при «естественном ходе дел» и при трехчленном делении. Ср. также «Милль», VII, 282.

[2] «Милль», VII, 210—11.

[3] «О поземельной собственности», III, 494.

мельной собственности, и приходит к следующему выводу: «Принцип наследственности постоянно и быстро влечет поземельную собственность к сосредоточению все в меньшем и меньшем числе рук, все более и более громадными массами. Действие этой преобладающей силы ускоряется действием имеющих одинаковое с ним направление принципов приданого, дарения и завещания. В нормальном ходе экономических отношений по тому же направлению действует принцип покупки и продажи, чем еще более ускоряется ход сосредоточения» [1]. «Все это,—пишет Чернышевский,—действует в обе стороны, как разрушающая сила,—мы сказали бы, как революционная сила,—но революция производится людьми с каким-нибудь расчетом, стремится к какой-нибудь цели, а эта сила действует без всякой цели, слепо, просто будто какая-то вулканическая сила, будто сила наводнений или урагана, только наводнений и ураганов, постоянно свирепствующих над обществом неотступно каждый день и каждый час. Разрушение производит он... тем, что в малочисленном кругу лиц, на которых валит землю громадными грудами, он низвергает благосостояние семейств баловством, отучением от труда и расчетливости, развитием расточительности... Этой судьбе подвергается общество одною стороною действий принципа наследственности. Другая сторона его, дробя незначительную долю земли между бесконечным множеством лиц, заставляет их продавать или как-нибудь переуступать землю, переводит их в разрастающийся класс людей, лишенных недвижимого имущества, не имеющих никакого обеспечения в жизни» [2].

Чернышевский снова обнаруживает большое чутье экономических тенденций капитализма. Но снова он оказывается не в силах создать научную теорию замеченных им тенденций — все по той же проклятой причине, не дававшей его исканиям претвориться в достижения. Всеобщий закон капиталистического накопления, как мы знаем от Маркса, есть функция капиталистического способа производства, между тем именно этот последний Чернышевский не подверг самостоятельному изучению. Поэтому Чернышевский, желая обосновать закон концентрации и централизации капиталов, должен итти по пути абстрактных (арифметических) раскладок о действии принципов наследования, приданого, дарения, покупки и продажи,—другими словами, выводить концентрацию и централизацию капиталов независимо от концентрации и централизации капиталистического производства и, таким образом, представить специфический капиталистический процесс в качестве «закона самобытного действия экономических принципов, управляющих движением частной поземельной собственности». Проницательный социалист стоит без ключа у ворот научного познания капиталистического накопления и в своем теоретическом бессилии *принимает классовую поляризацию капитализма за имущественную поляризацию по «самобытному закону частной собственности»*, делает исходным и типичным пунктом капиталистического процесса судьбу земельной собственности и снижает проблему до наивной аргументации моральным разложением богачей.

Но при роковом теоретическом бессилии, какая полновесность восприятия экономической жизни! «В общество вносится всепоглощающая

---

[1] «О поземельной собственности», III, 494.
[2] «Милль», VII, 661.

экспроприация»— пишет Чернышевский [1]— и по великолепному совпадению как раз на последних страницах своего главного труда, подобно тому как Маркс своим учением об экспроприирующей тенденции современной экономической системы закончил исследование капиталистического способа производства в первом томе «Капитала». Такое совпадение не могло, конечно, быть только случайностью.

3

Мы неоднократно приводили собственные слова Чернышевского о том, что трехчленная система возникла в силу случайных, с точки зрения экономических законов, причин и даже вопреки требованиям принципов экономики. Такое представление целиком вытекает из методологических предпосылок экономической теории Чернышевского. Но именно такое представление должно было вызывать внутреннюю неудовлетворенность у Чернышевского, столь чуткого к жизни и столь критического к самому себе. Поэтому наряду с отрицанием экономической предопределенности капитализма, естественным в логической цепи Чернышевского, мы встречаем в его сочинениях идею о «переходном» характере капитализма [2], т. е. неопределившееся представление об его относительной экономической прогрессивности. Так, осуждая соперничество, Чернышевский усиленно подчеркивает «перевес соперничества над патриархальными средствами расчета»: «его недостатки — недостатки не по сравнению с патриархальными формами расчета, а с теми формами, каких требует разум» [3]. Так, Чернышевский считает, что «каково бы ни было фермерство, оно в тысячи и миллионы раз выше и лучше системы половничества, системы обязательного труда и системы оброка» [4].

Эта двойственность ложно направленных, но полных предчувствия, исканий окрашивает и даваемое Чернышевским доказательство необходимости социализма, которое в его теоретической системе, естественно, заключается в *доказательстве отсутствия необходимости капитализма*.

Система Чернышевского исключала проблему вызревания экономических (технико-экономических и социально экономических) предпосылок социализма в недрах капитализма. «В Милле» читаем: «В обществах не то что цивилизованных, а даже и во всех тех, которые успели выйти хотя из грубейшего дикарства, стали оседлыми, земледельческими,— не только в нынешней Англии или Германии, а даже в Англии IX века, в Германии X века, в нынешней Персии, в нынешней Малой Азии труд по степени своей внутренней успешности уже мог бы содержать общество в благосостоянии» [5]. И это заявление Чернышевского не случайно. Могло ли быть иначе, раз он изучал капитализм без исследования капиталистического производства? Чернышевский видел распро-

[1] «Милль», VII, 662.
[2] «Экономическая деятельность и законодательство», IV, 450.
[3] «Милль», VII, 322—23.
[4] «О поземельной собственности», III, 496. И вместе с тем в этом сочинении читаем, что корень фермерства «в интересах праздной ренты и помещения избыточествующих капиталов, а вовсе не в интересах успехов сельского хозяйства» (471); в «Милле» же развивается мысль, что «хозяйство поселян-собственников при одинаковости условий несравненно успешнее хозяйства фермеров-капиталистов» (VII, 358).
[5] «Милль», VII, 321.

странение крупного производства, но усматривал в нем не действие капиталистических сил, а — напротив — их преодоление силами естественного прогресса. Он видел, что «увеличивается пропорция наемных работников и уменьшается пропорция самостоятельных хозяев в рабочих классах» [1], но относил это к злым недостаткам капитализма: «язва пролетариатства» — у него не случайно оброненные слова. Он отдавал себе ясный отчет, что социализм возможен лишь как крупное производство экономически самостоятельных производителей, но не знал проблемы исторической подготовки экономических условий ассоциированного крупного производства.

Считая социализм естественным порядком экономического быта, Чернышевский видел все необходимые для него условия в устранении препятствий свободному ходу естественного прогресса. А эти условия, полагал он, будут налицо, коль скоро просвещенность масс вызовет у них активное желание избавиться от трехчленной системы распределения, и коль скоро система эта таким образом будет устранена [2].

С самого начала неудовлетворенность, как тень, сопровождает эти формальные, социально-психологические, социально-нормативные (моральные) аргументы, идущие от теоретической концепции Чернышевского и навязываемые ею. Чернышевский ищет вне своей схемы и помимо нее об'ективной, детерминистски-непреложной аргументации в пользу неизбежности социализма. Эти искания представляют тем больший интерес, что направляются они по двум разным руслам, из которых одно сменяет другое.

В 1857—58 гг. внимание Чернышевского направлено на гегелевский логический закон смены форм в историческом процессе. В экономических статьях этого периода, почти целиком посвященных аграрной проблеме, Чернышевский стремится доказать выгоду общинного пользования землею, выдвигая положение «о делении народной жизни на три периода: период, где общинное пользование землею удобнее; период, где оно имеет свои неудобства; период, где оно вновь становится необходимостью» [3].

В 1858 г. Чернышевский пишет специальную работу для «философского» обоснования необходимости общинной системы хозяйства. Гегелевская триада (ибо она-то и есть это философское обоснование) облекается здесь в подробное экономическое рассуждение. Однако в полученном таким образом построении [4] отсутствуют движущие силы процесса, и смена форм

---

[1] «Милль», VII, 523.

[2] Последнее обстоятельство чрезвычайно важно для взглядов Чернышевского: в противоположность своим учителям-утопистам он всегда был чужд идее строительства социализма в недрах капитализма.

[3] «О поземельной собственности», III, 439.

[4] Его следует привести во всей подробности. Чернышевский исходит из «повсюду неизменной верности развития одному и тому же закону: высшая ступень развития представляется по форме возвращением к первобытному началу развития. Само собою разумеется, что при сходстве формы содержание в конце безмерно богаче и выше, нежели в начале». Эта «норма неизбежно ведет к такому построению поземельных отношений:

Первобытное состояние (начало развития). Общинное владение землею. Оно существует потому, что человеческий труд не имеет прочных и дорогих связей с известным участком земли. Номады не имеют земледелия, не производят над землею никакой работы. Земледелие сначала также не соединено с затратою почти никаких капиталов собственно на землю.

Вторичное состояние (усиление развития). Земледелие требует затраты капитала и труда собственно на землю. Земля улучшается множеством разных способов и работ, из которых самою общею и повсеместною необходимостью представляется удобрение.

происходит вне органической связи с развитием выражаемого ими экономического содержания, являя ряд фактов, механически сопоставленных и механически же противопоставленных на неизвестной, в сущности, базе. Стремясь вырваться из одной схемы, Чернышевский попадает в другую, имеющую внешний вид об'ективности, но лишенную об'ективности внутренне принудительного процесса: она изолирована от реального содержания охватываемого ею развития отношений. Маркс вывел неизбежность социализма из анализа законов и тенденций капиталистического способа производства, подтвердив этим применимость диалектической триады и к экономической области. Чернышевский, не изучив капиталистического производства, исходит из триады, как из непреложной данности, априорной аксиомы, которой не может не подчиняться развитие форм собственности. Ему остается поэтому расположить известные ему факты сообразно плану триады, комбинируя их при этом неизбежно на основе внешних, к корню вещей не доходящих критериев.

Чернышевский скоро понял бессильный схематизм своего философского обоснования, не захватывающего стержень экономической эволюции и оперирующего движением лишенных телесности, а значит мнимых, экономических связей. В «Милле» (1860—61) стремление дополнить основную схему помощью нарочитого логизирования экономических отношений уже не встречается. Ищущая неудовлетворенность Чернышевского устремляется здесь на скрытые факторы самих экономических отношений и порою прорывается к коренным началам экономики. Вот два примера:

Человек, затративший капитал на землю, должен неот'емлемо владеть ею; следствие того — поступление земли в частную собственность. Эта форма достигает своей цели потому, что землевладение не есть предмет спекуляции, а источник правильного дохода.

Вот две степени, о которых толкуют противники общинного владения,—но ведь только две, где же третья? Неужели ход развития исчерпывается ими?

Промышленно-торговая деятельность усиливается и производит громадное развитие спекуляции; спекуляция, охватив все другие отрасли народного хозяйства, обращается на основную и самую обширную ветвь его — на земледелие. Оттого поземельная собственность теряет свой прежний характер. Прежде землею владел тот, кто обрабатывал ее, затрачивал свой капитал на ее улучшение..; но вот является новая система: фермерство по контракту; при ней рента, возвышающаяся вследствие улучшений, производимых фермером, идет в руки другому лицу, которое или вовсе не участвовало или только в самой незначительной степени участвовало своим капиталом в улучшении земли, а между тем пользуется всею прибылью, какую доставляют улучшения. Таким образом, личная поземельная собственность перестает быть способом к вознаграждению за затрату капитала на улучшение земли. С тем вместе обработка земли начинает требовать таких капиталов, которые превышают средства огромного большинства земледельцев, а земледельческое хозяйство требует таких размеров, которые далеко превышают силы отдельного семейства, и по обширности хозяйственных участков также исключают (при частной собственности) огромное большинство земледельцев от участия в выгодах, доставляемых ведением хозяйства, и обращают это большинство в наемных работников. Этими переменами уничтожаются те причины преимущества частной поземельной собственности перед общинным владением, которые существовали в прежнее время. Общинное владение становится единственным способом доставить огромному большинству земледельцев участие в вознаграждении, приносимом землею, за улучшения, производимые в ней трудом. Таким образом, общинное владение представляется нужным не только для благосостояния земледельческого класса, но и для успехов самого земледелия: оно оказывается единственным разумным и полным средством соединить выгоду земледельца с улучшением земли и методы производства с добросовестным исполнением работы. А без этого соединения невозможно вполне успешное производство» («Критика философских предубеждений против общинного владения», IV, 313, 321—22).

1. Изложив в одном месте «принцип экономического расчета, поставляемый теориею», Чернышевский добавляет: «Только с изменением *форм производства* возможно осуществление условий, им требуемых... Большая часть людей при нынешнем порядке производства не может и оценить средств точным образом, по норме, требуемой наукою... Точный счет рабочих сил, точный счет количеству труда, нужному на получение известного продукта, на удовлетворение известной надобности, будет введен лишь тогда, когда на этом счете будет основано производство, которое теперь основано не на нем, а на слишком неверной принадлежности его — цене» [1].

2. Рассуждение о смене форм труда: «При грубых процессах производства, какими ограничивалась техника варварских обществ, рабский труд не представлял несообразность с орудиями, к которым прилагался: то и другое было одинаково дурно. Когда техника несколько развилась, когда явились довольно многосложные и деликатные орудия, грубый труд раба оказался непригодным: машина не терпит возле себя невольничества; она не выдерживает тяжелых рук его беспечности. Не выдерживают невольничества и все те мастерства, в которых введены сколько-нибудь усовершенствованные инструменты. Для них необходим вольный человек. Но когда производство совершенствуется до того, что требует ведения в широком размере, для него становится недостаточным одно то условие, чтобы работник был свободен [2]... Тут наемный труд даром тратит половину времени, даром пропадает половина силы, даваемой машинами. Вместо наемного труда выгодою дела требуется тут уже другая форма труда, более заботливая, более добросовестная к делу. Тут нужно, чтобы каждый работник имел побуждение к добросовестному труду не в постороннем надзоре, который уже не может уследить за ним, а в собственном своем расчете; тут уже нужно, чтобы вознаграждение за труд заключалось в самом продукте труда, а не в какой-нибудь плате, потому что никакая плата не будет тут достаточно вознаграждать за добросовестный труд, а различать добросовестный труд от недобросовестного становится все менее и менее возможным кому бы то ни было, кроме самого трудящегося.—Мы видим, что перемены в качествах труда вызываются переменами в характере производительных процессов» [3].

Эти два случая бессознательной критики Чернышевским своей собственной теоретической схемы очень поучительны. Они показывают, как глубоко Чернышевский ощущал ее недостаточность, непригодность в вопросах развития экономической жизни. Но они же показывают, с какою неодолимою цепкостью опутывали Чернышевского в его смелых научных порывах ложные методологические посылки. Блестящая работа мысли сдавлена фантомами «научных норм», «оценок», «соображений выгодности», «добросовестности труда», «естественности и неестественности» и т. п. Логическая требовательность Чернышевского выступает здесь как недо-

---

[1] «Милль», VII, 336—37. Курсив наш.—*Э. Л.*

[2] «В небольшой мастерской,—поясняет Чернышевский, — в маленьком хозяйстве хозяин может наблюсти за исполнением дела; тут нет большой разницы между работою хозяина и наемника, потому что наемник работает на глазах у хозяина, который может уследить за всякою мелочью. Но чем обширнее становится размер хозяйства, тем меньше возможности одному хозяину усмотреть за постоянно возрастающим числом работников, за подробностями дела, принимающего громадную величину».

[3] «Милль», VII, 212—13.

статок, она не дает возможности нашему автору по частям избавиться от ложной схемы. Разломать же ее как целое, т. е. заменить ее другою системою взглядов, Чернышевскому было не дано [1].

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После опубликования в 1928 г. юношеского дневника Чернышевского (1848—53 гг.) [2] можно доподлинно установить идейный генезис Чернышевского. Но так как «теория трудящихся» Чернышевского не просто инстинктивный протест против старого социализма, а осознанная попытка поднять социализм на принципиально новую ступень, ее действительная природа раскрывается не в сравнении с предшествовавшим ей социализмом, а в сопоставлении с марксизмом, т. е. с той ступенью социализма, к которой безуспешно устремлялся Чернышевский.

Мы шаг за шагом именно под таким углом зрения рассмотрели обширную систему теоретико-экономических взглядов Чернышевского, начиная с методологических допущений и кончая последними выводами. Но движение вперед есть возвращение к основанию — и чтобы замкнуть круг нашего исследования, мы должны очертить методологическую грань между системой Чернышевского и системой Маркса, пользуясь результатами всего предыдущего изложения.

Диалектический материализм, благодаря которому Маркс открыл закон развития человеческого общества (исторический материализм), проявляется в теоретико-экономической системе марксизма по крайней мере

---

[1] Это быть может непосредственнее и ярче всего сказалось в том замечательном обстоятельстве, что под редакцией Чернышевского и одновременно с публикованием «Милля» в «Современнике» печатались работы, написанные под прямым влиянием оформлявшейся марксистской мысли и, собственно, излагавшие ее первые научные достижения, и в то же время *прошедшие мимо экономической системы Чернышевского, оставшись без всякого влияния на нее*. См. работу Шелгунова—«Рабочий пролетариат Англии и Франции», в IX, X и XI книгах «Современника» за 1861 год. Или «Обозрение иностранной литературы» в V книге за тот же год, в котором читаем следующее рассуждение: «Капиталы сосредоточиваются в одних руках, потому что большой капитал дает большую силу обороту, и капиталист, или производитель, может довольствоваться меньшим процентом. Вследствие этого предприятия переходят в руки больших капиталистов, а массы рабочих населений в той же степени отдаляются от возможности приобретения капиталов, от самостоятельных предприятий и от достижения самостоятельной собственности. Этим путем современное европейское общество распалось на два класса — на капиталистов и рабочих. Переход из одного в другой есть только дело так называемого счастья и несчастья. Оба класса, сильные каждый в своем роде, стоят враждебно один против другого, и настоящий общественный порядок Западной Европы покоится именно на господстве капитала над рабочей силой без капитала... Образовался особый класс населения — класс фабричных рабочих, самостоятельный член настоящего европейского общества, составляющий замкнутое и сильное целое... Пролетариат и вызванное им сознание необходимости изменить экономические условия настоящего европейского общества не составляют дело случая. Кто не видит во всем этом работы истории, тот не поймет ни смысла явления, ни его значения... Пролетарий есть явление новой истории; только в нынешнем столетии он явился на Западе Европы в виде сознательного, самостоятельного целого. До XIX столетия бедных, нуждавшихся в общей помощи, было может быть больше, чем теперь, но о пролетариате не было речи. Он—плод новой истории».

Сравните это рассуждение, читатель; с соответственными взглядами Чернышевского!

[2] «Литературное наследие Н. Г. Чернышевского», том I, 1928.

в виде четырех основных положений, которые и следует сопоставить с основными экономическими идеями Чернышевского.

Во-первых.—Все экономические категории историчны, ибо историчны, преходящи, ограничены во времени формы экономического устройства человечества — и поэтому историчны, преходящи, ограничены во времени экономические идеологии со всеми своими логизированными атрибутами: «естественным», «разумным», «истинным» и т. д.

У Чернышевского же прекрасное понимание исторической ограниченности и предопределенности хозяйственных форм и идеологий уживалось с системой «естественных», «истинных», «разумных» принципов хозяйственной деятельности. Чернышевский сбросил покрывало бесконечности с капиталистического способа производства, но его глубокая критика современного строя не переросла в систему исторических категорий капиталистической экономики. Против «естественного права индивида» буржуазной экономии XVIII в. он держал знамя «естественного права общества», против индивидуалистического утилитаризма буржуазной экономии XIX в. он поднял знамя своеобразного (но «естественного»!) социального утилитаризма.

Во-вторых.— Экономические категории капитализма представляют своеобразный, исторически обусловленный синтез двух начал: натурально-технического содержания хозяйственного явления и его социальной «определенности формы» (Formbestimmtheit). Формирующим этот синтез является процесс производства материальных благ при капитализме — своеобразный и неповторимый капиталистический способ производства; это означает: приоритет форм производства в экономическом процессе, подчиненность и рефлективность форм распределения и потребления.

Чернышевский же, не понимая даже правомерности исторических категорий, усматривал в законах капиталистической экономики не больше, чем болезненное, искусственное и исторически случайное искажение «естественного хода» экономической жизни, диктуемого разумом и наукой. Одна из пометок Маркса на полях его экземпляра «Милля» Чернышевского гласит: «Tsch. hat keinen Begriff v. d. kapitalistischen Productivität» [1]. Именно так! Чернышевский, столь полно видевший социальную предопределенность и социальную сущность буржуазной политической экономии, был не в силах продвинуться глубже—к экономической предопределенности и экономической сущности буржуазного способа производства. Потому Чернышевский не понимал природы капиталистической производительности, как не понимал природы капиталистического потребления, капиталистического обращения и т. д., как не понимал самостоятельной природы капиталистического способа производства вообще. Потому также Чернышевский, угадывая определяющую роль производства и моментами поднимаясь до ее научного толкования, построил свою теоретическую систему таким образом, что примат производства в экономической жизни оказался нормой «естественного порядка дел», отсутствующей (исчезнувшей) в системе трехчленного распределения (ибо система эта возникла независимо от принципа производства и вопреки ему) и подлежащей восстановлению путем устранения этой системы. Примат во всяком случае бездейственный и внешний, т. е. мнимый.

---

[1] Сб. «Освобождение труда», № 4, 1926, ст. Гинзбурга.

В-третьих.—Историческая определенность социальных категорий экономики составляет основу и источник их об'ективности. Суб'ективные стороны хозяйственного процесса—лишь формы активного проявления его об'ективной сущности, следовательно, формы реализации (осуществления) об'ективной сущности. Об'ективное самоотчуждается в суб'ективном, *об'ективное поставляет себе коррелат в суб'ективном*, и притом подчиненный: об'ективное как таковое не зависит от целей, оценок и суб'ективной разумности.

Чернышевский делал политическую экономию наукой социальной и антииндивидуалистической — и в этом смысле об'ективной, направленной против психологизма, закоснелого фетишизма, буржуазного волюнтаризма и т. п., одним словом — против суб'ективизма. Но само социальное в экономической науке он расценивал не как социально-историческое, а как социально-нормативное, как внеисторический, следовательно, абстрактный «общественный экономический расчет». На чем же мог Чернышевский базировать такую социальность, лишенную исторической определенности? Лишь на «разуме» (и его вариациях), т. е. на своей собственной хозяйственной психологии. Социальное поэтому формируется у рационалиста-Чернышевского по образу и подобию индивидуального — общественный экономический расчет базируется на антропологическом принципе безраздельной целостности человеческого организма во всех своих функциях. В системе категорий политической экономии это означает: *суб'ективное поставляет себе коррелат в об'ективном*, подчиненный в нормальном хозяйственном строе, но выходящий из подчинения в трехчленной системе распределения, которая потому и подлежит устранению.

В-четвертых.— Движущим противоречием капитализма является внутреннее противоречие вышеуказанного синтеза (единства противоположностей). Нарастание этого противоречия параллельно экстенсивному и интенсивному росту капиталистической системы означает углубление и обострение разноречия между натурально-техническим содержанием (об'емом и материальной структурой производительных сил) и исторически определенной социальной оболочкой системы. Этот процесс проявляется как столкновение двух общественных классов, из которых один, составляя подавляющую массу народа, выражает натурально-техническое содержание хозяйства, а другой — кучка капиталистов — выражает капиталистическую форму. Революция рабочего класса есть адэкватное, следовательно единственно-возможное завершение развития капитализма по пути диалектического самоустранения.

Для Чернышевского же, не понимавшего, что проблема развития есть вопрос об источниках самодвижения, не существовало движущего противоречия капитализма. Не зная единства содержания и формы в капиталистической экономике, как мог он открыть закон разложения этого единства? Он ставил проблему в плоскость отмены, уничтожения капитализма, выставляя в качестве обоснования противоречие нормативного характера — противоречие между трехчленной системой распределения и «требованиями разума», растущее по мере развития хозяйственной жизни. Это положение *о механической иррационализации капитализма* в силу конфликта двух внешних друг другу начал целиком вытекает из дуалистических представлений Чернышевского о природе экономического про-

гресса. Оно означает просветительство, этизирование, утопизм в конкретных вопросах перехода от капитализма к социализму.

Чернышевский поставил своей задачей превратить социализм из «поэзии в серьезную науку». «Но Чернышевский не сумел, вернее, не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Ленин). И это предопределило судьбу его теоретических исканий. Логический путь Чернышевского оказался мертвым кругом. Могучие порывы мысли были уведены с верного пути болотными огоньками утопической «медицины экономического быта». Болото утопического социализма поглотило столь исторически осознанную попытку, путем критики буржуазной политической экономии и построения социалистической экономической теории, вывести социализм на путь науки.

Политико-экономическая теория Чернышевского сложилась в тесной связи с его экономико-политической и социально-политической литературной деятельностью, чрезвычайно интенсивной, многосторонней и заостренной. Крепостной вопрос и включение до того азиатской страны в круговорот экономической жизни капиталистической Европы—эта двуединая проблема тогдашней российской экономики обсуждалась Чернышевским под углом зрения социалиста, критически знакомого с опытом полувекового развития европейского капитализма — хозяйственного, социального и политического. Было вполне естественно и навязывалось всею обстановкою Чернышевского его отрицательное отношение к тому разрешению коренной российской проблемы, которую обещало начинавшееся политическое развитие страны. Дефетишизация нашего западничества второй трети XIX века, разоблачение восторженного ореола культурности и духовной прогрессивности, которым подымавшаяся буржуазная и буржуазно-дворянская интеллигенция крикливо и туманно окутывала западнические знамена, составляет одну из самых замечательных сторон Чернышевского. В великом споре между феодальной и буржуазной идеологиями о путях развития России Чернышевский занимал позицию вне обоих, над обоими[1]. Свой путь — социалистическое преобразование России

---

[1] Называя западников «пустыми панегиристами» Европы, Чернышевский писал: «Когда мы подумаем о том, до какой степени у многих из так называемых западников темны еще понятия о том, что хорошо и что дурно в Европе, и как до сих пор очень многим кажется лучшим именно то самое, что есть худшего в Европе, то должны будем признаться, что критика европейского быта, которую славянофилы прямо или через вторые руки заимствуют из лучших современных мыслителей, далеко не бесполезна для очищения наших понятий о Европе» («Заметки о журналах, март 1857 г.», III, 152. Эта оценка западничества кружком Чернышевского еще выразительнее сказалась в статье Елисеева о народонаселении в России в первой книжке «Современника» за 1861 год.— Елисеев называет западников «исследователями-параллелистами», для которых «все есть и должно быть в Европе непременно хорошо»). Но в то же время Чернышевский нападал на «все теоретические заблуждения, все фантастические увлечения славянофилов» («Зам. о журналах, апрель 1857 г.», III, 199), и писал, что «нимало не разделяет и не видит для себя никакой возможности когда-либо разделять те особенные мнения, на основании которых многие западники безусловно осуждают славянофилов, воображая, что в славянофилах нет ничего иного кроме этих дрянных заблуждений», и что «все то, в чем славянофилы противоречат западной науке, им положительно и решительно отвергается, потому что решительно не выдерживает научной критики и противоречит историческим фактам» (Рец. на кн. Шипова о хлопчатобумажной промышленности, III, 243—44). Известно, что Чернышевский издевался над славянофильской idée fixe, над мессиан-

на основе сохранения и развития полуфеодальной крестьянской общины — он предлагал потому, что в последней, как ему представлялось, «заинтересованы мильоны людей» [1], миллионы сидящих на земле людей.

В Чернышевском история попыталась срастить два разнородных корня и вырастить из них одно дерево. Один из корней — западный социализм в той его стадии, когда он начинает сознавать свое пролетарское содержание, но еще не знает своей всемирно-исторической миссии; второй корень — русское крестьянское движение в той его стадии, когда оно доросло до типа народного движения, но еще не нашло своего места в капиталистической системе и потому недифференцированно противопоставляет себя отживающему феодальному и вырастающему буржуазному гнету. Собственно, разные корни росли из разных почв. На одной стороне — еще не близкая, но явственно слышная поступь новой общественной фор-

---

ской ролью России. «У славянофилов зрение такого особенного устройства, что на какую у нас дрянь ни посмотрят они, всякая наша дрянь оказывается превосходной и чрезвычайно пригодной для оживления умирающей Европы»—пишет наш автор и добавляет: «Европе не нужно учиться (у нас), потому что сама она гораздо лучше нас понимает, какие порядки ей нужны, как их устроить и какими способами вводить. Значит оживлять нам ее ровно уже нечем. Нечего нам и хлопотать об этом: никаких оживлятелей не нужно ей... Рано, слишком рано заговорили вы о дряхлости западных народов: они еще только начинают жить» («О причинах падения Рима», VIII, 173).

[1] «О поземельной собственности», III, 434.—Вопрос о социалистическом развитии крестьянской общины, которым мы в настоящей статье, естественно, не занимаемся, ставился Чернышевским во всяком случае несравнимо сложнее, нежели впоследствии народниками. По крайней мере, семь принципиальных вопросов увязывал здесь Чернышевский: 1) Приверженность к общине вовсе не врожденная национальная черта русских, и принимать нашу общину в качестве зародыша социалистического устройства следует лишь потому, что таковы веления современной, т. е. западной, науки. 2) То, что у других наций превозносится как утопия, у нас существует как факт, но это вовсе не заслуга и не гордость наша, а «остаток первобытной древности», продукт «медленности и вялости нашего исторического развития» (IV, 308). 3) Наука указывает, что во всяком развитии отдельные звенья могут выступать настолько кратковременно и неразвито, что могут считаться лишь логически мыслимыми; это приложимо и к развитию человеческого общества, которое может миновать трехчленную систему и, таким образом, избавить себя от тяжелейшего, противоестественного периода своей истории; поэтому, пока крестьянская община у нас еще не разрушена, необходимо сберечь ее и использовать для движения вперед мимо капитализма. 4) Следует отличать при этом «принцип общины» от конкретных уклонений, которыми он сопровождается в тех или иных условиях, следовательно, и в русских полудиких азиатских условиях; защищая принцип, надо со всей энергией бороться против специфически-русских его форм. 5) Перескочить через капиталистическое развитие мы можем лишь потому, что имеется «опередивший пособник», который проходит и скоро пройдет не только логически, но и реально, путь капитализма; социалистическое преобразование русской крестьянской общины обусловлено, таким образом, социалистическим преобразованием передового Запада. 6) Необходимость создания внутрироссийских условий для действия принципа общины. Непосредственно экономических условий два: принадлежность ренты самим членам общины и незначительность обязательств по сравнению с рентою (IV, 306—307); но требуется еще ряд общих условий, подцензурное название которых у Чернышевского: «хорошая администрация и справедливый суд» («Суеверия и правила логики», IV. 564). Эту важнейшую мысль Чернышевский лучше всего выразил в конце статьи об экономической деятельности и законодательстве в связи с затруднительным вопросом — почему общинное владение не оказывает тех удивительных действий, которые должны происходить из его натуры, — «мы будем рассматривать — пишет Чернышевский — столь же затруднительный попрос: почему лещ, вытащенный на берег рыболовной сетью, не плавает?» (IV, 463). 7) Постановка вопроса о ступенях социалистического преобразования общины: общинное владение без общинного производства, общинное производство, общинное потребление; идея государственной собственности с общинным владением III, 461, 475).

мации, неизбежность прихода которой ощущается в кровоточащих язвах господствующего капиталистического строя; на другой стороне — запоздалое устремление к мукам капитализма, непосредственно бессмысленное и достаточно отвратительное, поскольку лицемерие и корыстный апологетизм набрасывают на капиталистическое развитие покрывало невинности, в то время когда плоды его обманчивости полностью созрели на Западе. В основе Чернышевского лежит вопрос: зачем причинять себе теперь глубочайшие язвы, а потом напрягать все силы и приносить огромные жертвы, чтобы эти язвы залечить? В этом вопросе истинный и большой трагизм — трагизм исторического пути многомиллионного народа и трагизм освободительной идеологии этого народа. И все противоречия, прошедшие перед нами в теоретико-экономической системе Чернышевского, порождены непримиримою двойственностью ее реальных корней.

Система Чернышевского осталась в таком виде, в котором она еще непосредственно, а значит плюралистически, сцеплена с породившей и питающей ее экономической обстановкой; следовательно, в таком виде, в котором она еще не приобрела собственной пластической жизни своих категорий, а все еще живет трепетной жизнью реальной экономики. Но эта черта теоретико-экономических работ Чернышевского была неустранима, ибо отражала невозможность органического сращения двух корней его системы в единое целое. Что это так, свидетельствует вся дальнейшая литературная работа Чернышевского: на протяжении четверти века навязанного досуга он не ощущал нужды систематически разработать свои теоретико-экономические взгляды и (как особенно показывают его сибирские письма) при интенсивности и разнообразии интеллектуальных интересов и огромной силе научного сомнения он исправлял лишь несущественные детали в той форме, какую его экономическая система приобрела в полемическое пятилетие «Современника»...

Страна, начинающая свой капиталистический путь, переживает более или менее долгий период нераздельности демократии и социализма, когда оба они, по выражению Ленина, «смешаны воедино в утопической идеологии». В Чернышевском олицетворялся этот период в истории России, а он проходил здесь совершенно своеобразно: когда внутри страны начиналась идейная мобилизация третьего сословия, в Европе уже заканчивалось идейное оформление пролетарского движения. Утопизм «великого русского социалиста-утописта» потому и имеет такой огромный образовательный интерес, потому и заключает в себе такое богато-поучительное содержание, что обнимает собою гениальное стремление вырваться из его пут с помощью опыта пролетарского социализма Европы,— напряженное стремление, которое должно было остаться бесплодным, в силу полного отсутствия пролетарского движения в России. Трагизм нашего великого революционного демократа и социалиста прекрасно определяется его же фразой о России: «фабричным производством прямо заинтересованы только сотни тысяч, а поземельным владением миллионы» [1]. Как экономист Чернышевский был осужден историей на поиски обоснования невозможного: крестьянской социалистической революции против современного общественного строя. Чернышевский «отразил именно ту сторону крестьянской рево-

[1] «О поземельной собственности», III, 417.

люции, которою она смыкается с движением пролетарского социализма»[1],— и это обстоятельство определило судьбу его учения. Будучи переходным этапом в развитии русской революционной идеологии, это учение неминуемо должно было разложиться сообразно составлявшей его антиномии. Его эзотерическая сторона могла развиться лишь растворившись в марксизме, ставившем крестьянское движение под руководство пролетарского, его экзотерическая сторона, естественно, была использована народничеством, отгораживавшим крестьянское движение от пролетарского.

Чернышевский строил политическую экономию «трудящихся», Маркс— политическую экономию пролетариата. Политэкономия пролетариата есть такая критика буржуазной политической экономии, которая совпадает с критикой, даваемой буржуазному способу производства историческим развитием; политэкономия трудящихся находится в критическом отношении к самому историческому процессу, который посредством капиталистического способа производства пресекает и разрушает неразвитое благополучие трудящихся. Политэкономия пролетариата берет свои опорные пункты *внутри* капиталистического способа производства и движется вместе со своим предметом; политэкономия трудящихся становится во *внешнее* отношение к капиталистическому способу производства, но, стремясь подойти к своему предмету с критическим светом будущего, она неизбежно ставит его в тень прошлого. Политэкономия пролетариата есть высшая форма теоретической экономии потому—непосредственно—что она представляет применение материалистической диалектики к изучению капитализма и потому — в основе — что пролетариат составляет предельную форму капиталистического развития. Если экономическая «наука трудящихся», построенная Чернышевским, не составила этапа в развитии теоретической экономии к её высшей форме и оказалась лишь сторонним эпизодом этого развития, запоздалым его зигзагом, то это всецело об'ясняется запоздалостью русской жизни того времени и ее отстраненностью от общеевропейского экономического потока. Мы видели, что внешняя бесплодность теоретико-экономической работы нашего гениального социалиста скрывает исторический урок редкой поучительности, и Маркс имел все основания назвать Чернышевского «единственным оригинальным экономистом» своего времени.

---

[1] *Л. Б. Каменев*, Чернышевский в ходе революционного развития («Правда», 25 ноября 1928 г.).